

СМЕНА



20 1960



Комсомольцы «Красного пролетария» предлагают:

«НАЧНЕМ ВСЕСОЮЗНУЮ ПЕРЕКЛИЧКУ УДАРНИКОВ И БРИГАД КОМУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА».

Дорогие друзья, читатели «Смены»!

Прежде чем рассказать о том, что заставило нас написать это письмо, мы хотим поделиться нашей большой радостью.

Получилось так, что знаменательное событие в жизни нашего участка совпало с великим праздником, который отмечает вся страна, — с сорок третьей годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. Совсем недавно нам присвоили звание коллектива коммунистического труда, вручили треугольный красный флажок с изображением В. И. Ленина.

Эту высокую честь мы завоевали в упорном труде.

Наш седьмой участок 1-го механического цеха выпускает шестерни для станков и двигателей, которые используются в различных отраслях современной тяжелой промышленности.

Сейчас выполнение плана на 140—160 процентов стало на нашем участке обычным явлением. Мы боремся за то, чтобы регулярно выполнять план на 180 процентов, и уже добиваемся такой выработки.

Как же это удалось! Техника помогла! Да, техника, безусловно, была нам верной союзницей. Но было и другое: большое стремление заставить эту технику работать, как говорится, на полную мощность.

Раньше многие операции на станках нашего участка производились неэкономично, тратилось лишнее время. Например, заготовка одной шестерни обрабатывалась два раза: сначала на токарном станке, а потом ее передавали на другой станок нашего же участка, копировальный, для одной только простой операции — подрезки. Это считалось нормальным явлением.

Однако наш товарищ Женя Гришкин рассудил по-другому. Он раз-

работал такой способ обработки шестерин, который позволил выполнять все операции на одном токарном станке. Значит, исчезла еще одна лишняя операция, значит, мы сможем выпустить еще больше шестерен для станков.

Таких предложений на нашем участке делается много потому, что ребята и девушки не просто отстаивают положенные часы у станка. Каждый из нас старается помочь участку давать больше продукции, творчески подходит к работе, думает о новых возможностях, усовершенствует, изобретает.

Вот, например, Павел Аксенов. Он работает на токарно-винторезном станке, а через ряд от него, на revolverном, идет сверловка. Казалось, какое ему дело до того, что шестерня обрабатывается в несколько приемов, незаконнично, что на станке, где она проходит вторичную обработку, ломаются резцы! Павел мог заниматься только своим станком: все остальное, мол, дело не мое. Однако у нас на участке так никто не считает. Аксенов предложил в одну из шести головок задней бабки revolverного станка вставлять сверло, а в другую головку — специальный резец. Теперь деталь обрабатывается сразу, быстро, экономично. Повысилось и качество обработки.

«Свое» и «чужое»! Нам думается, что в наше замечательное время никому нельзя рассуждать по принципу: моя хата с краю. Мы считаем, что на нашем участке, на нашем заводе «чужой» работы не бывает. Да и не только на заводе. Все, что происходит в стране, наше, кровное.

Но в канун празднования годовщины Великого Октября хочется не только подвести итоги, но и посмотреть в будущее, решить, что сделаем дальше.



Здравствуй, год 44-й

Комсомольцы завода «Красный пролетарий» Евгений Кандауров, Клавдия Калинина, Валентина Жерошнина, Евгений Гришин, Ефим Спиревский, Раиса Бурова, Людмила Пирогова, Тамара Бунова, Мария Лепешкина.

Фото Г. Дубинского.

Мы гордимся нашим заводом. Наша продукция идет на крупнейшие советские предприятия и во многие страны: в Индию, Чехословалию, Индонезию, Англию, Францию, Польшу. Мы будем добиваться, чтобы наша продукция была отличной, чтобы она была лучшей продукцией в мире.

Однако мы не хотим замкнуться в кругу своих производственных дел, как бы важны они ни были. Сейчас, когда уже миллионы советских людей борются за право носить высокое звание ударников и коллективов коммунистического труда, когда в это могучее движение включаются целые предприятия и города, везде и повсюду рождается новое, передовое. Это происходит и в труде и в жизни советских людей. Но много еще вопросов волнует нас, участвующих в этом замечательном соревновании.

Может быть, наш и многие другие коллективы, получившие звание коллективов коммунистического труда, уже достигли того, о чем мечтали! В самом деле, каждый из членов нашей бригады по-настоящему заботится о производстве, те, у кого мало образования, учатся в техникумах и институтах. Для этого у нас есть все возможности. Недавно на нашем участке была ликвидирована ночная смена, что стало возможным благодаря повышению производительности труда. Мы сообщаем о наших праздниках, днях рождений, вместе ходим в театры, музеи. Наша жизнь содержательна и интересна. Может быть, мы имеем право удовлетвориться тем, что есть, не думать о большем! Конечно, нет.

Разве можно ограничить какими-то рамками развитие того нового, коммунистического, что рождается с наших повседневных дел, в труде и в борьбе миллионов советских людей!

Вот почему этим письмом нам бы хотелось начать Всесоюзную переписку между бригадами и предприятиями, борющимися за звание коммунистических.

Давайте, друзья, рассказывать на страницах «Смены» о наших делах, о том новом, что ежедневно рождается в наших бригадах, цехах, на заводах и что обязательно должно стать достоянием всех, о том, что требуют коллективного совета.

И нам хочется, чтобы на наш призыв откликнулась не только молодежь промышленных предприятий. Пусть скажут свое слово юноши и девушки, работающие в институтах, учреждениях, магазинах. Как они участвуют в нашем большом движении!

Мы уверены, что такая переписка поможет общему делу — расширению и углублению борьбы за новое, коммунистическое общество.

Мы уверены, что наступающий сорок четвертый год Великой Октябрьской социалистической революции многим обогатит движение коллективов коммунистического труда.

Мы уверены, что в этом году новые предприятия, города, а может быть, уже целые районы и области будут бороться за высокое звание коммунистических!

По поручению участка коммунистического труда завода «Красный пролетарий»: Евгений ГРИШИН, Владимир КАЛМЫКОВ, Раиса БУРОВА, Феликс АНФАЛОВ, Евгений КАНДАУРОВ, Владимир АЗАЕВ, Зинаида ПОПОВА, Станислав АНИКИН, токари: Людмила ПИРГОВА, ученица; Мария ЛЕПЕШКИНА, штифщица; Андрей ТУТОВ, слесарь по ремонту; Валентина ЗОЛОТАРЕВА, протяжница, группов.

ПРАВДА ЗА НАМИ—ПРАВДА

Нет такой меры, которой можно было бы измерить количество и качество труда Никиты Сергеевича Хрущева в Организации Объединенных Наций.

Великая цель — мир и счастье для всех народов — породила ту великую энергию, с которой советский посол мира на Генеральной Ассамблее отстаивал миролюбивые предложения Советского правительства. XV сессия Генеральной Ассамблеи ООН еще не окончена, но уже сейчас всем народам ясно, что она явилась событием огромного международного значения.

«Посеяны первые добрые семена, семена мира и дружбы», — говорил Никита Сергеевич. — Посеяны семена правды.

И человечество верит в то, что они прорастут.

Конечно, им труднее расти на каменистой почве Манхэттена, но правда восторжествует.

«Мы верим, что наступит время, когда народы всех стран глубоко осознают и поймут необходимость активной борьбы за разоружение, проявят свою волю, и тогда разоружение будет осуществлено», — сказал глава Советского правительства.

Благодаря усилению советской делегации при поддержке всех миролюбивых стран достигнут замечательный результат: Генеральная Ассамблея считает необходимым ликвидировать колониальный режим.

Но это только первая победа. Советский Союз будет продолжать борьбу за превращение Организации Объединенных Наций в действительный международный инструмент мира, за разоружение, за то, чтобы колониальный режим навсегда ушел в прошлое.

«Мы не прекращаем борьбу за правду, мы ее начали и будем продолжать» — эти слова Н. С. Хрущева, как девиз, пронесли над всеми странами и континентами. И прогрессивное человечество рукоплещет им.



Снова на родной земле.



Все человечество слушает голос правды.

Журналисты, аккредитованные при ООН, боятся пропустить хотя бы слово...



Посланец самой миролюбивой державы.



Советские люди — друзья революционной Кубы.



ПОБЕДИТ!



Фото А. Новикова.

Африканские студенты, обучающиеся в США, дружно беседуют с Н. С. Хрущевым.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

20

ОКТАБРЬ
1960

Год издания тридцать седьмой

Дорогой друг и ровесник!

Этот номер «Смены» ты получил в канун великого праздника, который отмечает вся наша страна, все прогрессивное человечество.

Сорок три года прошло с тех пор, как радиостанция Смольного передала всему миру первые декреты Советской власти, подписанные вождем первого государства рабочих и крестьян В. И. Лениным, — декреты о мире, о земле.

Тебе, конечно, хорошо известна история нашего Советского государства от первых дней его становления, когда бойцы революции, голодные, раздетые, плохо вооруженные, отстояли от многочисленных врагов право быть хозяевами своей земли, до того исторического события, когда в Космос был запущен советский космический корабль.

Сегодня в журнале ты увидишь материалы, которые были опубликованы в октябрьских номерах «Смены» за 1925, 1930, 1932 и 1941 годы.

Вглядишься внимательно, читатель 1960 года, в эти страницы. Комсомольцы тех героических лет расчищали путь для будущего, для тебя. Они были такими же упорными и жизнерадостными, как ты.

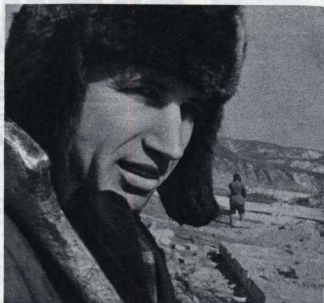
И часто, позабыв о собственном благополучии, они шли туда, где было трудней, где нужней всего были их сильные руки, горячие сердца. Позабыв о сне и отдыхе, восстанавливали они разрушенное гражданской войной и интервенцией хозяйство молодой Советской республики. Они самоотверженно помогали коммунистам проводить коллективизацию в деревне. Со всем рвением молодости закладывали они первые кирпичи светлого здания социализма.

Они сооружали заводы и строили шахты, прокладывали дороги и возводили города. А в грозный 1941 год похожие на тебя парни и девушки уходили добровольцами на фронт, шли в партизаны. Не щадя жизни, защищали они завоевания Великого Октября, защищали твоё светлое Сегодня.

Так вглядишься же, комсомолец 1960 года, в эти ставшие ныне историческими страницы. Так жила и боролся твой предшественник.

Ныне, приняв эстафету поколений, ты сам возводишь города, осваиваешь целинные степи, строишь дома. Нет судьбы завидней, чем твоя. И сегодня, в канун нашего боевого, революционного праздника, ты еще и еще раз присягаешь на верность великим заветам, оставленным поколениями революционеров, великим идеям родной Коммунистической партии.

Немало еще предстоит сделать, но мы знаем: Ленинский комсомол никогда не искал легких дорог. Он шел, идет и будет всегда идти по пути, указанному партией, по пути, который завещал нам великий Ленин.



ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Анатолий ЗЯБРЕВ

Если говорить об основной черте характера Анатолия Зябрева, то это, пожалуй, неутомимость, жадность до новых людей, до новых мест, желание полнее и глубже узнать жизнь.

Окончив семилетку в Новосибирске, он пошел работать на машиностроительный завод. Был слесарем, шлифовщиком.

Как-то Анатолий написал в заводскую многотражку о токаре Андрее Маврадеве, соседе по станку. Очерк так понравился, что через два дня Анатолию предложили стать сотрудником редакции.

Прошло несколько лет. Молодого журналиста пригласили в газету речников «На захте». В 1959 году в Новосибирском издательстве вышла книга Зябрева «Толмака — охотника».

Все казалось, складывалось как нельзя лучше. Но Анатолию не сиделось на месте. И вот он уже на строительстве Красноярской ГЭС, трудится сначала землекомом, потом плотником, кессонщиком и, наконец, бетонщиком.

А вечерами он садился писать. Так появлялись документальная повесть «Енисейская тетрадь».

Сегодня мы публикуем очерк Анатолия Зябрева, рассказывающий о буднях строителей Красноярской ГЭС.

Темно-зеленый Енисей бьется о скалистые берега. На волнах всплывают маленькие белые гривки, в которых золотом вспыхивает солнце. На середине реки шагалка подковообразная перемычка. Внизу, в осушенном котловане, люди, беспокойные и неутомимые, старательно готовят ложе для сооружения высотной плотины. Устрашающего моста шлеплет колесами буксирщик, проводя для «быками» баржу. Из трубы его густо валит черный дым.

Скалы, обнаженные, бурные, вытянулись на десятки километров вдоль реки, подступая почти к самому берегу. Между скалами и Енисеем — бурая, сотканная из пыли дорога, которую отвозили у гор аммонит и экскаватор. Эта дорога свяжет будущий мост с будущей плотинной.

Еще утро, но скалы уже отдали воздуху всю прохладу, которую успели набрать за ночь, и теперь начинают дышать теплом. Каждому из нас было бы куда приятнее, если все оказалось наоборот: чтобы скалы ночью дышали жаром, а днем — прохладой. А то никакой логики: с одной стороны солнце печет, а с другой — скала греет; ночью же от Енисея ветерок и с гор спускается прохлада.

Нашей бригаде поручена важная работа — сверлить пятнадца-

ти- и двадцатикубовые скальные глыбы, вставлять в отверстия толстые металлические крючья и заделывать бетоном. Таких «кхмелюв» надо что-то около полумиллиона. Ими будет перекурываться стремительный Енисей. Придут сверхмощные бульдозеры и станут сталкивать их в реку.

По голубому и слишному прозрачному небу углубляется, что день будет особенно знойным. Мы снимаем рубахи и обматываем ими головы. Наши тела стали темно-коричневыми, с каким-то сизоватым отливом, особенно на шее и плечах. Мокроурос — самый смачиватель в бригаде — приехал откуда-то с запада и гордится, что по закалке он обставил даже сибиряков.

— Минуту внимания! — вдруг восклицает бригадир Женя Пытлюк. Его три дня назад избрали председателем построенного комитета Левобережного участка, а он уже успел осунуться. Когда мы после работы направляемся к лагерю, чтобы перебраться на правый берег, он остается на перемычке невзвешен до какого часа.

— Стенгазеты в бригадах не выходят! Не выходит. Прогулы бывают! Бываю. Обязательства не у всех! Не у всех. Наглядная агитация не блещет? Не блещет. С этим



АНДРЕЙ ДОСТАЛБ

РАЗГОВОР С РОДИНОЙ

И
Снова я стою перед тобою.
Сторона родимая моя,
Светлая,
Умытая росой,
Ясная,
Как несня соловья.

Я люблю
Твоих просторов вечность,
Дальний гул
Летящих поездов,
Гор твоих
Седую бесконечность,
Белое
Сияние
Садов!

Я люблю черемуховый запах,
Речки флюетовый нагиб,
Кедра раскопанные лапы,
Темное дыханье тайги...

Расстели мне
Тонкие узоры
Осени,

Улавившей на траву.
Подари мне
Горные озера,
Дай мне наглядиться
В синеву.

Верь сейчас мы здесь
Вдвоем с тобою.
Хорошо, что небо голубое,
Хорошо, что отблески
зарниц...

И туман клубится над
рекою.
Я хочу налиться тишиною,
Слушать голос
Перелетных птиц.

Вот и осень
Желтими откосами,
Ином серебряным хрустит...
Прикоснется —
Тронутые просеюды,
Вдвигаются голые кусты.

Трубит осень
В дивный рог былинный,
Поднимусь
И оглянусь вокруг!
В небо слышен
Говор лебединый,
Им лететь на юг,
на юг,
на юг...

надо бороться? Надо...—Женька загибает пальцы, нетерпеливо крутя голову, неподвижно вцепившись в расщеп, чем он тут вечерами занимается, и предложением плюнуть на все, потому что всего не переделаешь...

Глаза у Женьки осели еще глубже, щеки потемнели и болели, как у машинной носовой помпы. Каблуки туфель, когда-то коричневых, а теперь серых, стерлись с одной стороны до основания, одного Женька начал косоватиться. Бессмысленно, коричневые спортивные ботинки его выгорели, и над коленами светлеют маленькие дырки, пробитые чем-то металлическим.

— Мы...—Женька явно собирается что-то сообщить, но тянет...

— Ты не ересь, говорить так говорит...сердится Мокроусов, прикрывая глаза от солнца нахмуренными густыми бровями. — Работать надо. Сна ведь знаешь. Че-го забавляться!

— Верно, Мокроусов, работать надо, — соглашается Женька, покачиваясь светясь изнутри. — Ну, а от той новости, которую я сейчас сообщу, захочется работать втрое сильнее. Уловил?

— Да не тани ты! — Мокроусов в нетерпении замеч-то трет ладони, затем плюет на них.

— Мы победили! — сообщает Женька.

Он закладывает руки в карманы, встает, смотрит, какое впечатление произвела на нас эта новость. Но так как на наших лицах он ничего не может прочесть, кроме нетерпения, Женька, очевидно, намереваясь извести нас, медленно продолжает (хотя говорить медленно ему вообще несовместно).

Вчера вечером, Да. Уловил! Говорили, подсчитали. И... дохлое дело. Но не нам дохлое дело...

— У тебя что, мозги за мозгу? — не выдерживает Мокроусов, сплевывая и направляясь к перфоратору.

— Нервнич! — спрашивает невозмутимый Женька, все так же

светясь изнутри детской радостью.—Не у всех бригад подсчитывали, но все равно. У тех подсчитали, у кого самый высокий процент, и вышло... Что вышло? Вышло, что у нас месячный процент 330, а у Смелько... Ну, теперь вы уловили! У бригады Смелько меньше, у них 280 процентов. Значит, первое место за нами. Вот так... с расстановкой закончил бригадир.

Нет, мы не подпрыгнули от такой новости, не пустились в пляс и даже не закричали «ура». Мы как-то слушаемся и застенчиво смотрим друг на друга. Но та детская радость, которая минутой назад светилась лишь в одном Женьке, видна теперь в каждом из нас. А это уж никак не к лицу мужчинам.

— Инструмент пора менять. Совсем тупой, — замечает равнодушный Мокроусов, луща хмура свои красивые брови и высматривая, в каком месте каменной глыбы удобнее проделать отверстие. Будто его совсем и не извозило-ла новость.

Кто не знает на стройке комплексную бригаду Смелько! Это о ней пишут в газетах, гремит по радио. Когда-то казалось, что нам не дотянуться до этих ребят.

— А здорово мы их, голубовы, накрыли! На полста процентов клонили выше, — примерно через час подталкивает меня, уже улыбаясь, Мокроусов.

Всем почему-то становится смешно. Мы смеемся и больше не слышим своей большой радости. Мне кажутся очень забавными слова «накрыли» и «клонили». Я гляжу на Мокроусова. Он за три года ухитрился шесть раз вербоваться в разные концы страны и все сбегал. А тут прикился, нашел свое место в жизни.

День, как и предполагалось, выдался очень жарким. В заводи, которую образовала низовая перемычка, почти к самым пескам вышли шухи и греются под солнцем, покосом на прямые черные палки. Над перемычкой воздух будто кто выкрасил в красный

цвет. Это от пыли, которую поднимают беспрерывно снующие самосвалы. Гидростроители облизали выполнить годовое задание к 40-летию плана ГОЗЛРО.

На зубах хрустит песок, а на губах ощущается соль пота. Ожидательно вымотавшись, мы выбрались по утащили в гору, где между скал небольшой расщелин приоткрылись низкорослые ели и где много свежей и сочной травы. Мы падаем в спасительную тень и лежим неподвижно как трупы.

Вот и Сибирь, — замечает кто-то лениво, но то с осуждением, не то с восхищением.

Да, наша Сибирь удивляет: подчас даже самих сибиряков своим климатом. То дождит жара — и единственное спасение лишь в воде, то вдруг надейвай телегрейку. Это на другой же день.

Острые вершины елок, легкие облака, остановившиеся над горами... С голубого неба льют свои песни жаворонки...

Я лежу на траве, подложив руки под голову, и смотрю в беспрерывную машину. Нет, облака не остановились. Они движутся, и движутся как-то вверх, удаляясь все дальше от земли. Кажется, шевельли руками, и ты полетишь прямо навстречу облакам.

В жаркие дни мы удлинняем перерывы до получаса. Как хороши они! Я тысячный раз убеждаюсь: если хочешь получить истинное удовольствие от отдыха, работай во всю силу. И только, когда почувствуешь, что для очередного движения уже нет сил, отдытай. Тогда так упорно пахнут земля и трава, которой ты коснешься щечкой, так удивительно журчит, струясь между камней, родник и так густо, отдалится у горизонта удар кувады на строящемся железнодорожном мосту. Тогда мир становится по-особенному близким и понятным... Впрочем, всякий раз поблагодарив разное чужое тепло, ты по-новому ощущаешь окружающее и самого себя.

— Ребята, послушайте! Я тут кое-что набросал, — не дает по-



Рисунок В. Каневского

2

Пуск летит,
Мы остаемся здесь,
Встречаем дни
В ожидании
В машинном гуде.

Вокруг — дома.
Они сейчас уснули.
Они стоят
На милом верст окрест.

Мы здесь творим.
Нам не считать недель,
Порой не радеялась —
На часах!
За баран
Первая метель
Вываляется,
Столбаны вырастают
На месте том,
Где вырвет колодезь,
Где встанет завод,
Песней оглашая,
Стеной туман.

...Нам не считать недель,
Нам жуть
И стропы,
Рук не покладая,
Пуск летит

За тридцать земель
На дальний юг
Распалась стая,
Пуск летит! —
Им все равно приспел
Соломенный краш у Дювер
И тоненькие стебли

Придет весна —
И вырвется плетью,
Распахнутыми крыльями
Шурша.

И будет день
Из лучших несен соткан,
И встретит возвратных гостей
Прозрачный взгляд
Умных
Новых окон
И светлый взгляд,
Чистый взгляд
Людей.

Видишь,
Корпуса многоколенные,
Поднимаешь, облакая грозы,
Сматывая
Канлы падают со анном,
То летит весения гроза!
Пусть раскаты грома

К нам доносится,
Молнии распарывают стень.
Я люблю в полях
Медногосицу,
Пусть несельной дождь
На забор брызжит —
Это значит —
Молодым колосьям
Наливаться,
Полнеть!
Шуметь!

3

Весение, нетронутые дали...
Наступает, чередой, года.
И трудно нам
Бывает иногда.
— Ты думаешь,
Мы разве не устали?
Мы тоже живем
Мы ведь не из стали,
Но мы идем,
Разведывая дали!
— А, может быть, и вправду
Мы из стали,
Коль кровь и пот
Мы превращали в сталь,
Коль поднимали корпуса
Из пенал.

Разбрасывали
По земле
Сады...

...Весенний дым,
Продуренный и светлый,
Летит навстречу
Вечно молодым —
Тебе, и мне,
И каждому,
Кто в нашей
Стране живет,
И дышит,
И поет.

Весенней прелестью тянет
С теплым напьем,
И солнце
Прямо по реке идет.

— Раста, родная,
Спокойнее все краше,
Пусть юный
Обгонит день вчерашний,
Пуск горит
Твоей чистотой
Яркий
Свет!
Ну, что ж, пора...
Уже от Славской башни
Во все края
Доносится рассвет.

коя Женка. Ногой он сложил калачиком. По толгой мускулистой грудью колоском свисает грязный под.— Мы ведь догорались, что тогда бригаду Смелко побьем, то...

— ...станем соревноваться за бригаду коммунистическую,— продолжает Витя Подлинский.— Профгор, маленький, урюкий и подетски откровенный, когда он получает письмо от девушки из далекой Карелии.

— Точно!— кивает Женка, расправляя в руках тетрадный листок и крутя голову.— Это у меня черновик, набросок...

И он читает:— Мы, комплексная бригада управления основных сооружений Красноярскстроя, желая умножить материальные и духовные богатства нашей Родины, вступаем в могучее соревнование за право называться бригадой коммунистического труда и обзвеемся... Первое— выполнять задание не ниже чем на двести пятьдесят процентов. Второе— качество работ всегда иметь безупречное. Третье— всем учиться. Четвертое— быть образцом не только в труде, но и в быту. Пятое— принимать активное участие...

Уже никто не лежит. Как только Женка произнес: «Мы, комплексная...» все насторожились. А когда дошел до слов «коммунистического труда», мы уже стояли. Между фразами Женка делает значительные паузы, подчеркивая этим самым торжественность смысла, и тогда слышно, как задевают друг друга еловые ветки и с высокой скалы скатываются мелкая щебенка, трескаясь, гремящая, как таежные такстребы.

— Неправильно,— подает голос Мокроусов.— Пропустил один пункт.

— Який!— вытяну шею, придираюсь ближе к кругу украинцев Щербина.

— Стойте! Так это же собрание!— спохватывается Витя Подлинский, восторженно глядя на Женку, потом на Мокроусова.— Заем же анархия! Без президиума, без ничего. Товарищи, надо избрать президиум и вести протокол.

— Ну ладно тебе, формалист!— А включая себя в президиум свой да вот его, и хороши!— Мокроусов подталкивает в спину упирающегося Щербину.— Иди, иди, раз доверяю!

— Еще нужен один. Заем же анархия!— настаивает Витя, чувствуя за собой права профгора.

— Избрали на свою голову формалист!— сокрушается Мокроусов, подталкивая Володю Желтоброва, оказавшегося рядом. Володя— сибиряк, двухметрового роста. Ему восемнадцать, и он примечательнее того, что выводит нас из терпения своей наивной, ни к чему не обращенной болтовней. Но зато он незаменим, когда нужно поднять какую-либо тяжесть.

— Кто— за!— Витя считает поднятые руки. Единственно, что Витя Подлинский подходит к выступу скалы, садится. По другую сторону от него садится Щербина, по другую— Желтобровых.

— Продолжаем,— разрешает Витя, став очень серьезным и важным.

— Пропустил один пункт. Каждый должен владеть не менее чем тремя профессиями. Это надо обязательно вписать.

— Довбана, в том числе бетонщика и арматурщика.

— А вот где про общественную жизнь, там, по-моему, что-то конкретное надо...

— Пожалуй, верно.

— А не многовато ли двести пятьдесят процентов? Вот новые нормы будут, тогда? Как бы не опростоволоситься... В этом месяце триста процентов дали. А в другой раз такая работа попадетсЯ, что и на сто пятьдесят не вытянешь.

— Конечно, если паниковать, то и сто не дашь.

Обсуждаем по-деловому, придираемся не только к смыслу пунктов, но и к словам, которыми выражен этот смысл...

Сегодня для нас главное— обсуждение обязательств. И, работая, мы продолжим говорить о них, а Витя Подлинский только тем и занимается, что вносит коррективы. Встанет, прицелился в камеш, где бы проделать дыру, а тут опята что-нибудь делает свое замечание, и Витя как профгорт— за карандаш.

В конце дня приходит мастер Путилин. Узнав о нашем решении, он думает, берет у Вити Подлинского протокол, долго и внимательно читает, потом с расстановкой говорит:

— Я, ребята, не знаю, можно ли так. Но я вот уже сколько времени работаю только с вами, с одной бригадой... И поэтому хотел бы, чтобы вы знали... Вернее, записали бы тут где-то а свои обязательства, анноты... Хотя я мастер, а не член бригады... Допускаю, что я тоже беру с сегодняшнего дня бороться за звание ударника коммунистического труда.

Путилин твердо выдерживает наши взгляды и повторяет свое желание. На его мелком, с узеньким ртом лице нет и следа прежней расценности и болезненности. Перед нами человек большой энергии и твердой воли. Его редкие, коротко постриженные лысьные волосы не прилизаны, как обычно, а торчат упрямыми

выкром. Совсем не тот Путилин, которого мы знали. Может, за внешней вялостью его всегда жила энергия, невидимая для непроницаемого взгляда? Путилин зимой ходил в огромной кожаной самодельной шалке с опущенными ушами, из которой высовывалось лицо, выглядывало, как из норы. Когда мы его видели в столовой без шапки, он производил впечатление человека, у которого только что отняли то, с чем он родился и вырос.

Путилин на стройке не первый год. Пришел после окончания техникума. Вначале работал топографом. Здесь же, у него уже двое детей, и на девчат он смотрит так же, как на древних стариках. Мотористка с бетонного завода, привыкшая с каждым кокетничать, с Путилиным этого не делает и глядит на него враждебно.

— Кто— за!— Витя Подлинский неуверенно топчется на месте. — Да чего там, Вспытай!— гудит Мокроусов.

И все хором повторяют:— Вспытай!

Мы не можем освоиться со своей новой ролью, с ролью участника коммунистического соревнования. Как теперь себя вести, как держаться? Это, что выражено в сухих строчках наших обязательств, почти совсем не ориентирует. «Жить и работать по-коммунистически»— главный пункт. Работать по-коммунистически— это, хосе. Давать высокий процент, работать качественно... и, пожалуй, еще. А вот жить по-коммунистически как?

А когда идет ли понятие «работать» составной частью в понятие «жить»? Ведь как можно жить по-коммунистически, не работая или работая с ленцой, равнодушно? Жить по-коммунистически! Это значит, каждая секунда твоей жизни должна быть образцом честности!

На катере, который перевозит нас после работы с перемычки на

правый берег, Витя Подлинский, задумавшись сощурившись, с оступавшим выражением на круглом лице, глядит на дальние перекаты-наброды в голубой дыме горы, на бесконечную голубизну над Енисеем и тихо замечает:— Какие горизонты!

Сказано это таким тоном, что я не пойму, к чему это относится: то ли к тому, что мы видим над Енисеем, то ли к тому, о чем он думает.

Да, горизонты широкие,— говорю я.

И Витя поворачивается, испытующе смотрит на меня. Темно-зеленый Енисей тяжело ударяет о борт, вынося наше судно на быстрину.

Я думаю: «Сто восемьдесят два дня. Столько уже я на стройке. Что они дали мне?»

Я научился добывать мерзлую землю, бросать ее лопатой, тестать бревна, сбивать гвозди, пилить брус, жечь сучья, копаться в стенах, бить кулаками, вязать арматуру, укладывать бетон...

Я научился не корчиться и не втягивать голову в плечи при пятидесяти градусах мороза. Не отворачиваться, когда в лицо бьет пурга. Не прятаться под навес от студенного дождя. Купаться в конце апреля и загорать в начале мая...

Я научился за десятиминутный перерыв возвращать своему телу силу и энергию, выспытывая за пять часов, чувствовал вольную трепет природы, когда приходил день, и по эху в горах угадывать затравленную погоду... Я научился за грубость слов и суровость глаз видеть нежность и ласку.

Сто восемьдесят два дня! Примерно одна сотая того, что осталось мне жить на этом свете. Мне хочется разделить это время не на годы и даже не на сутки, а на часы, на минуты, на секунды. И пусть все они будут полны горевания.

Дингогорск.

Анатолий ПЕРЕДРЕЕВ

Виктор КРУТЕЦКИЙ

В тайге

Качались ели, тишину колбаса,
Встрепенуено отряхнула снег,
И шел по снегу человек на лыжах,
И очень торжился человек.

Он знал: опасна ранней мглы завеса,
Он видел: затеваются пурга.
Не выберешься вовремя из леса,
Начнешь плутать и— к черту на рога!

И он спешил, и знал он, что успеет
Дойти к жилию, к веселому огню,
Успеет раньше, чем в лесу стемнеет...
И вдруг

увидел
странную лыжню.

Петляла меж стволами, как слепая,
Она металась,
на исходе дня,
И поняла человек, что погибает
Лыжня чужая, в дебри уходя.

Но человек ведь очень торжился,
Он шел к жилию, к веселому огню...
Качались ели, ветер в елях бился,
И две лыжни
слились
в одну лыжню.

О богатстве

Я живу скромней других
И все же
Бедняком называться не смог.
Ценности имеют подороже
Тех, что можно прятать под замок.
Даже больше!
Боссам ста Америк
До моих не дотянутся сфер.
Может, кто-нибудь и не поверит,
Скажет:

— Тоже мне миллионер!
Не поверит,
Что же, пусть проверит.
Я от глаз богатства не таю,
Всем давным-давно раскрыты двери
Поглядеть на Родину мою.
Вся земля, что славят наши люди,
Вся моя,
А глянь из-под руки—
И Луна— моя,
Но мы не будем
Из нее чеканить пятаки!



Рисунок В. Висоцкого.

Юрий ШАМШУРИН

РАССКАЗ

На палубе «Лорика» никого не было видно. Кости Буркии остановились на берегу у самой воды и нетерпеливо крикнули:

— Э-э-й! Лодку-й!

Он сдвинул на затылок выгоревшую на солнце капитанку с потрескавшимися лакированными козырьком. Из-под фуражки выскочил пыльный отменно-рыжий чуб. На ширококроманье лице Буркии густо лепетали воступания. Серые глаза, озорные, с прищуренной. Госта невнятного, в плечах широк.

Крутом было голо, холодно, неуютно. Буркии поехали, подняла меховой воротник тулупа, засунула руки глубоко в карманы и спряталась от ветра за перевернутый вперед днищем кунгас. Настроение у него было невнятное. Готовились на остой, а тут на тебе!

Кости опасались на посылки, который в лизно выгнулись на высокой приречной террасе. Шпериные крылья домов рельефно вырисовы-

вались на фоне сумрачного неба. Из трубы электро-станции валяла дым и дымной полосой тнулась над тундрой, смешиваясь с туманами где-то далеко за поселком.

На палубе «Лорика» по-прежнему было пусто. Кости потерял терпение, набрал полную грудь воздуха и заорал:

— На катере-е-й! Отлох-ли, что-о-ли-и-и!

Зычное эхо покатилося на ту сторону Лени и замерло без ответа. Палубы в резных сапогах начали мерзнуть. Кости постукал ногой об ногу. Под каблуками захрустела мерзлая песок.

— Разнежился, как моржи на лежбище! — пробормотал он, заметив, что на носу «Лорика» появился матрос и успокоительно помахал веслом.

Поднявшись на палубу, Буркии в сердцах отпихнул небрежно брошенный крапеец и прогормыхал по ступенькам в кубрик, откуда доносялось, бранные титры и восторженный приятный голос Митроши Ципкина:

— Милая-а, хоро-о-шая моя-а-а...

В кубрике было жарко. Вкусно пахло борщом из сухих овощей и жареной кондейкой. Помощник моториста Еремей Стольников усердно шуровал в крутой железной пелурке, и пламя гудело в трубе.

— Ну что, старшина, в Бузункан на отдых? — спросил Митроша и взяла звуочный аккорд.— Залив уже прикатало!

Кости протянулся поближе к печурке и протянул к ней сизые от холода руки.

— Рано собрался курортничать! — отрывисто ответил он.— А где Гоша?

— Он машину на консервацию товоит.

— Вот что, братва! — заговорил Кости, когда все собрались, и одернула ладью сидевший на нем китец с бесташими птуговицами.— Срочно в рейс идем! На Табастак!

— Куда, куда? — удивилась Гоша, задернув бровями. (Промысловый участок Табастак—самый дальний на рыбозово. Он расположен почти на побережье моря Лаптевых. До него и летом не так-то просто добраться).— На Табастак? Ты всегда с англичанами. Бедня жалованье, можешь отправляться хоть в Антарктику, а я лично пришеварюсь здесь. У меня же...

— Что, назад отработываешь? — давянто перерыл моториста Кости и крикнула, словно выстрела в переувенну Гоши.— Трус!

ДУШАВА АГГАДА

— Крог.. Я труст? — шепотом спросил Егорушкин. Ложбинки между носом и щеками у него порозовели.— А кто тебе, кикет, из прогрии выолок полумертвого?— И Гоша умолял, стиснув кулаки.

— Обрадовал, нечего сказать! — с напуской грубостью буркнул Митроша и неодобрительно покосился на старшину.— Замуем у черта в катке. Бедня шута уже!

— Не осеи! Сам прекрасно вижу! — раздраженно ответил Кости.

Он остановился перед матросом Подгурским, взяв его за надорванный лапкан пиджака и более спокойно сказал:

— Выслушайте меня, ребята, а потом митингуйте. Можете хоть до самого директора идти.

— Давай, травя до конца!

— С «Бурном» несчастье приключилось. Вал резерва лопнул. Километрах в ста от Митроша забастах застрял. Миша Тукки — старшина ихний — пешком до промысла добрался. Через протока выплав рисовала. Рассказывают, еле дошел. Они баржу с продовольствием везли. Заведующий с промысла радуются, что продукты совсем мало остались. А там больше сотни рыбаков, да жены, да детинки! Понимаете?

— Да,— вздохнула Митроша.— Похоже, без речей обойдется.

— Как мешина? — не глядя на Гошу, спросил Кости.

— Как всегда,— хмуро буркнул Егорушкин.— Нахмы на стартер — и готово!

— Порадок! Горючие полностью заправил, да бочки чепуре да корму прихватил. А ты, Митроша, полуай продукты, выннши на окном телую одежду, «белуку» поведем. На нижнем складе ее уже грузят. Я ведь, братцы, от имени асей команды поручился. По прочности и скорости разве наш «Лорик» сравнится с другими катерами?

— Ого, конечно, соперников ему нет...

Старшина собрался обратно на берег оформлять документы. Смышно было, как он провалил во палубе, ступил в лодку и закричал уключинами.

— Старшина наш — кикет! — ни к кому не обращаясь, заметил Митроша.— Упрется, начнем не швортнись! А уж кола поощебл ал слово да...— И Ципкин засмеялся соловнем.

Непредгадная осенняя ночь уходила незаметно. Облака, сплошь загроможденные небо, казались, приподнявшись выше. Прояснились контуры гор. На аспидно-черную волю упали густые беспрестанные балки. Вскоре стали заметны плавающие льдины, похожие на огромные бляны. Некоторые задевали «Лорика», и железные борта его глухо гудели.

Назломачи по самым бровям пустилось запыло доху. Кости навалился на перила и смотрел на большую неуловую баржу, выкрашенную в желтый цвет. За него красна местами облупилась. По самым бровям, железным прожектором, сиявали рабочие. Допущенные обрывки разговоров, скрип трапа, стук опускаемых в трюм ящиков.

— Скоро там! — крикнула Кости.

— Значи заеи! — ответила шкипер.— Готовьте буксир.

См. стр. 2

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ

ЛЕНИНГРАД, ФАБРИКА „КРАСНЫЙ МАЯК“

Пропадут лишь месяцы — сто тысяч
партийлетов
Замесят Ленинский партийный билет.

А. Безмясников.

БЕГУТ шипящие трансмиссии; их пробег заглушается неровными, хлесткими шедками приводных ремней, к которым тянутся, точно черные хребты, ткацкие и прядильные станки, ватера — царство красной нитки. Жизнь фабрики бьет ключом.

Мускулистые обнаженные руки работниц и рабочих тянутся к звену текстильного производства, бобинам и ровницам, обвившим себя гроссами ниток.

Сколько их!

Еще недавно здесь работало 2.500 рабочих, теперь около 5.000.

ТРИ поколения ленинцев — члены РКП, РЛКСМ и пионеры — сплотились в неразрывную единую фабричную ленинскую семью.

Вместе взятые из тысячной массы рабочих, они представляют крепкую опору возрождения и укрепления социалистической промышленности.

Остальные рабочие? — Они тоже еще неформальные ленинцы — творцы общепролетарского дела, строители и создатели своей по крови и мускулам страны.

Работа на „Красном Маяке“ перелетается с ускоренной. В школу идут прямо от станка, с неразлучным „Спутником Ленина“.

Загляните на фабричный флигель — серенькое, неказистое здание, — и там по средам и субботам вы встретите усталых от работы и переутомленных от жары, но всегда жизнерадостных работниц и рабочих, с сияющими взглядами. Жить, творить хочется... Творить и создавать свою страну!

Их глаза вливаются в классную доску с написанными на ней бессмертными строками того, кто вывел их на свет и кто научил их любить свободу. Все, все они — напрягают внимание к каждому слову, сказанному преподавателем.

А кто преподаватель-то? Да Сонька Вербина, из ткацкого. Раньше ей от мастера, еще когда девочкой была, покою не было. Хотел угасить вишневые глаза, но кушис с маслом. Революция подошла.

В КОМНАТЕ тесно, дышать нечем. Лучи солнца радостно скользят по взъерошенным головам комсомольцев. У всех на лицах деловое, сосредоточенное выражение. Еще бы. Ведь сегодня предстоит заслушать отчет бюро коллектива и переизбрать его.

Перевыборы бюро комсомольских чечек в полном разгаре.

Вот ткацкая чечка. Во главе ее стоит Варя Гальмина, 18-ти летняя, еще совсем молодая, ткачиха, имеющая, однако, большой практический опыт в комсомольской работе.

— Как, тов. Гальмина, справляешься с порученным делом? Не легкая работа, ответственная.

— Раз мне поручено ответственное дело, то я должна его выполнить, — коротко отвечает она.

А вот другая комсомолка — Иванова Оля, — кандидатка-ленинка, старшая комплекта по ватерному делу, — тоже с трехлетним стажем на общественной работе, выбрана организатором комсомольской чечки первой смены прядильного отделения.

Тов. Гальмина и Иванова целиком посвящают себя порученной работе. Под их руководством находится свыше



НА ТКАЦКОЙ ФАБРИКЕ: в мотальном отделении.

500 комсомольцев, на 70—80 процентов членов и кандидатов РКП (б.).

СТАРОЕ помещение для обоих коллективов и фактовых маловато. Год тому назад, оно казалось вполне достаточным, и долгое время эти три организации фабрики ютились в одном гнезде, не хотелося расставаться, но пришлось, широкий охват работы этого потребовал.

С душного двора фабрики перекочевывали в отремонтированный дом, что прижался к Неве, но и здесь оказалось тесно. Ряды партии, комсомола пополняются с каждым днем и новых посетителей — ленинцев — уйма. Размах партийной и комсомольской работы ширится.

В окна долетают зычные удары пионерского барабана. Пионеры-подшефники „Красного Маяка“ направляются в помещение своих старших братьев и по праву своего положения требуют себе все необходимое

— Нельзя ли книжечек почитать...

Агитпропорганизатор коллектива внимательно выслушивает делегацию красивых галстуков и удовлетворяет тут же. Удовлетворенные полученным разъяснением, они уже вновь рассыпаются дробью под гам барабана.

Итак, три поколения одной великой эпохи, тесно спаянные между собой, идут к одной цели, к цели рабочих всего мира, заветной Ильичем, — к светлому будущему, грядущему...



Комсомолки-ленинки.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

№ 31 НОЯБРЬ 1930 г.

Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи. Орган ЦК и МК ВЛКСМ—Изд. „Молодая Гвардия“

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, 6, ОГНЗ — „Молодая Гвардия“.
Редакция журнала „Смена“. Телефон 2-35-26.

КОМСОМОЛ НА ОКТЯБРЬСКОМ СУББОТНИКЕ



ОРГАНИЗОВАННЫЙ ПО ИНИЦИАТИВЕ МК КОМСОМОЛА 7 И 8 НОЯБРЯ—В ДНИ ОКТЯБРЬСКИХ ТОРЖЕСТВ—МАССОВЫЙ СУББОТНИК ПРОШЕЛ С БОЛЬШИМ ЭНТУЗИАЗМОМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ ПОДЪЕМОМ. ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ И РАБОЧИЕ МОСКОВСКИХ ФАБРИК И ЗАВОДОВ В ЭТИ ДНИ ПОКАЗАЛИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНУЮ ДИСЦИПЛИНИРОВАННОСТЬ, ОРГАНИЗОВАННОСТЬ И ОБРАЗЕЦ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ. В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СУББОТНИКЕ УЧАСТВОВАЛО ОКОЛО 70 т. чел.

„ДОСТИЖЕНИЯ И УСПЕХИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СУББОТНИКА ЯВЛЯЮТСЯ ЛУЧШИМ ОТВЕТОМ НА ВЫЗОВЫ, МАЛОВЕРАМ И ПРАВООПОРТУНИСТИЧЕСКИМ ЭЛЕМЕНТАМ, НЕ ЖЕЛАЮЩИМ И НЕ УМЕЮЩИМ БОРОТЬСЯ С ТРУДНОСТЯМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА“.

Репорт МК ВЛКСМ



НА СНИМКАХ:
Комсомольцы выгружают
дрова для рабочих районов
Москвы

ЕСТЬ ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА!

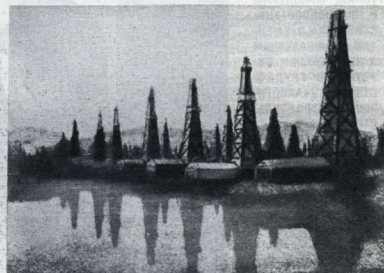
Фото Соколов



Первые в СССР два завода синтетического каучука в Ярославле (см. снимок) и Воронеже начали работать в этом году



Строящиеся цехи огромного завода турбостроения по своей величине превышают самые большие цехи крупнейших заводов. Завод строит в Харькове—столице советской Украины



Первую сталь дала мартеновская печь Сталинского (бывш. Победено-море бакинскими нефтяниками, которые покрыли всю бухту Ильича новыми буровыми)

...Промышленность страны непрерывно и быстро растет, в стране создается прочнейший, на века, фундамент безграничного обогащения, но, кажется, наши враги знают и понимают революционное значение этого процесса глубже и лучше, чем знает и понимает это наша рабочая масса. А ей для того, чтобы глубже и шире осмыслить свой великий, героический труд и вылететь от некоторых болезней, основой которых служит социальная слепота,—ей необходимо знать все, что сделано, все, что нужно сделать и что уже начали делать. Нужно знать, с каким успехом везде и всюду идет работа возрождения ее страны силами рабочей энергии,—небывалая, чудовищная, фантастическая по размерам работа.

Нужно знать, для чего строится дорога на Югорский шар и для чего создается Всесоюзный институт изучения человеческого организма, нужно знать, что дают стране Волгострой, каптаж Волги и Забайкальская дорога, нужно знать, как из года в год земля наша все более щедро открывает перед рабочим классом бесчисленные свои сокровища: уголь, нефть, ценнейшие металлы и минералы; нужно знать, что дает Грузии, Армении, Азербайджану каптаж озера Гохчи; нужно знать, как обогащает страну рабочее изобретательство, как мощно, дерзновенно растет наша наука, какую роль в ее росте играют молодые выдвиженцы из рабочей массы, из крестьянства—рабочая масса страны советских социалистических республик должна знать все, что создается ее энергией. Это будет знание о себе, самознание, и это увеличит творческую энергию массы...

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

№ 13
ноябрь 1941 г.
XVIII год издания

Издательство «Правда»

Ежедневный литературно-художественный и военный журнал ЦК ВЛКСМ

МЫ РАБОТАЕМ ДЛЯ ПОБЕДЫ



Это Марина Гальванова, двадцатипятилетняя комсомолка, начальница медико-санитарной службы одного из районов РОККА.

Самотверженной и бесстрашной работой на поле боя Марина завоевала глубокое уважение товарищей и руководство полевого госпиталя. Много телесных своих благодарности Марине записано бойцами и командирами в книге отзывов.

За находчивость и мужество, проявленные во время налетов на санитарный поезд фашистских самолетов, Марина получила благодарность от военкома.

Сейчас, получив назначение на пост начальника медико-санитарной службы РОККА, Марина много и горячо работает, подготавливая для фронта кадры санитаров, передавая им свой опыт и воспитывая в них боевые качества преданных и бесстрашных сестер Великой Отечественной войны.



Молодежь Москвы не уступает в активизме и самоотверженности своим фронтным товарищам. Все для победы над врагом! Лучшие боевые традиции фронтовиков стали традициями московских производственников.

Аппаратчики В. С. Спиридонова и Э. А. Дежидова (первые справа) с увлечением работают, выполняя очередной военный заказ. Они заливает расплавленным металлом в формы и скелетон выполняют нормы на 180–200 процентов.



Москвичи заканчивают всеобщее военное обучение. На нашем фото — группа артистов Московского цирка на военных занятиях. Слева направо в строю: тт. А. Н. Бредя и И. И. Скуловский-Тарвид

(Рябинин) — воздушный полет, орденноносцы Платанов, Лазарев, В. А. Комаров — руководители группы туристов, К. А. Берман — командир, С. А. Серяжков — наездник, А. Т. Серебряков — артист цирка.

батику, Ю. А. Серяжков — артист цирка, Л. М. Поляков.

Так они занимаются каждое утро. Днем и после обычных спектаклей с широкой программой.

Н ельзя без волнения читать эти страницы. Слова и снова вглядываемся мы в старые фотографии. Молодой парень в клетке и девушка с светлой «двоенной» шляпке. Фигуры трех комсомольцев на фоне распахнутых дверей теплушки... Идет социалистический субботник. Эти молодые ребята и девушка вышли на работу 7 и 8 ноября, в дни октябрьских праздников. Именно на этих субботниках зарождались первые ростки коммунистического труда, которые в наши дни цветут так буйно, так неуклонно.

Глядя на фотографии строев первой пятницы, помещенные в праздничном номере за 1932 год, невольно сравниваем их со строями наших дней: как широко шагает наша промышленность! А вот непримично маленькая страница номера «Смены» с крупной надписью: «Мы работаем для победы». Этот ноябрьский номер вышел в тяжелые дни сорок первого, когда вероломный враг напал на нашу страну... Вчерашние строители домен и шахт, заводов и плотин, школьники и врачи, артисты и учителя — весь народ встал на защиту Отчизны.

Каждая из этих фотографий, каждое слово на этих пожелтевших от времени страницах — замечательное свидетельство того, что умные и сильные руки, горячие и смелые сердца комсомольцев всегда были отданы родной партии, народу.

Октябрьские номера старой «Смены»... Их продолжают материалы, помещенные на страницах октябрьской «Смены» 1960 года.

Давав оценку нашему замечательному времени, Никита Сергеевич Хрущев привел слова Некрасова: «Волна и труд человека динные два течения». Да, нашиний год знаменителен огромными успехами Советской страны, уверенно идущей к коммунизму, смело и непреложно отстаивающей мир на земле.

Мир! Это требование выдвинуто самой жизнью. Жить в мире и дружбе, жить в солидарности — вот о чем мечтает весь народ стран социалистического лагеря. Требование мира со всей силой прозвучало в устах представителя миролюбивых держав на XV сессии Генеральной Ассамблеи. С ее трибуны Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев говорил:

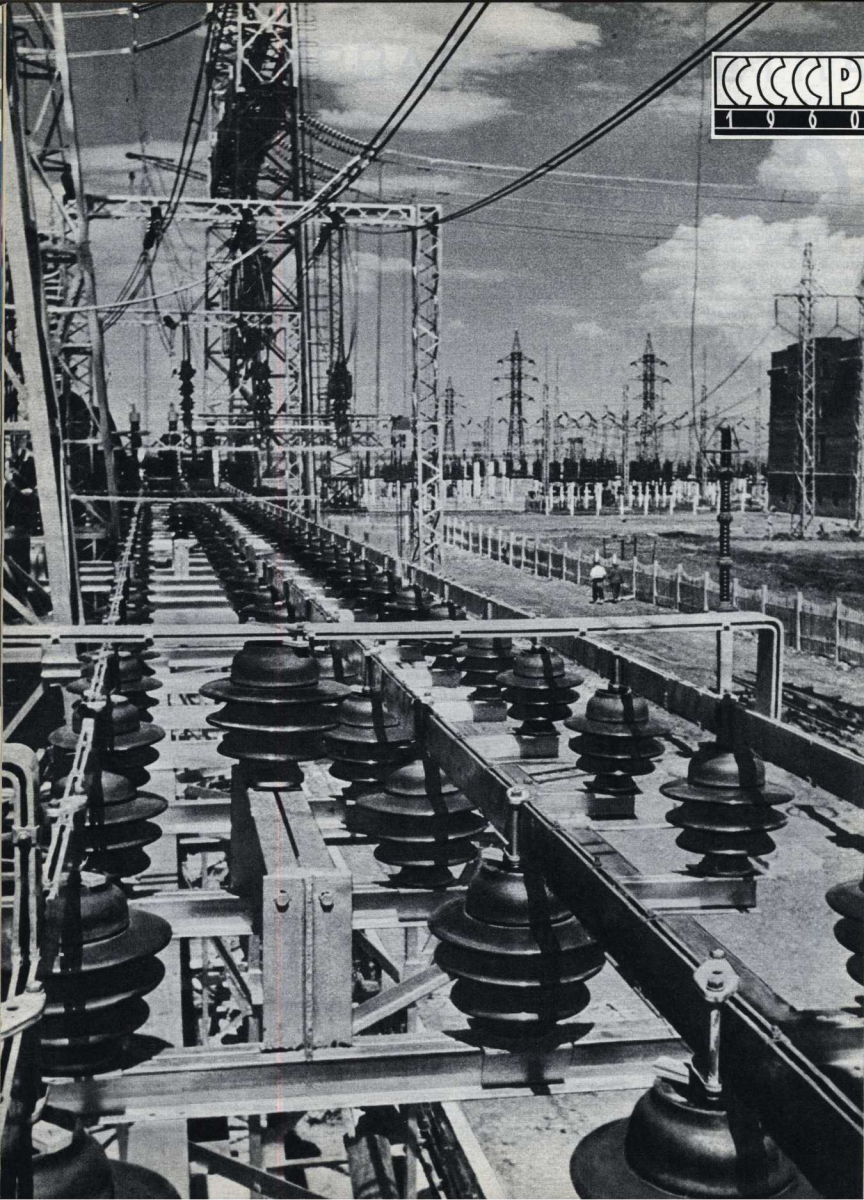
«Мы выпускаем ежегодно более ста тысяч инженеров, создали первую в мире атомную электростанцию, построили первый атомный ледокол, который успешно влывает льды Северного океана, первыми запустили ракеты в космос. Успех Советского Союза доказали, сколь велики преимущества социалистического строя, какие безграничны возможности для развития талантов народа открывает социализм и коммунизм».

И все это сделано руками человека — простого советского человека, нашего современника. Новое, коммунистическое отношение к труду — вот, что характеризует наше сегодня. Это отношение проявилось в замечательном движении бригад и ударников коммунистического труда, которое стало поистине асиром. Молодежь, как и в первые годы Советской власти, выполняет самые ответственные поручения Коммунистической партии: осматривает сварку и борется за цемент, внедряет автоматику и строит города...

Широко шагает по стране праздник Великого Октября. Молодое поколение Страны Советов встречает его замечательными трудовыми делами, на каждом участке строительства коммунистического общества.

Тысячи тонн сверхплановой стали, миллионы пудов хлеба, полученных сверх задания, досрочные завершения гигантских сооружений, сотни и тысячи новых жилых домов, закон об отмене налогов, сокращенный рабочий день, успешное возвращение на Землю космического корабля... Да разве можно перечислить те познания невиданные в истории достижения и свершения, с которыми наша социалистическая Родина пришла к своему великому празднику.

И нет сомнения, что, глядя на дела нашего поколения, на дела тех, кого мы сегодня зовем «наш молодой современник», на дела твоих рук, читатель, потомки скажут: — Замечательные люди жили в 60-х годах XX века, замечательные дела творили они!



КОСМИЧЕСКОЕ ЖИЗНЬ

Беседа нашего корреспондента Д. Биленкина
с профессором Г. И. ПОКРОВСКИМ

С палубы корабля в небо уходит веретенообразное тело. На искры волнах—облеск равного пламени. Мазки красной горят, точно брызги огненного металла...

Такая картина висит в кабинете доктора технических наук Георгия Иосифовича Покровского. Картина написана давно. Ее автор — сам Покровский. Энтузиаст астронавтики, он доверал холсту самые смелые свои мечты.

Минуло три года со дня запуска первого советского спутника, многие мечты ученого стали явью.

— Самое великое в осуществленных космических полетах, — говорит Г. И. Покровский, — даже не полученные с их помощью научные результаты... Мне запомнились маленькая железнодорожная станция близ Ала-Улы. Забыл осенний вечер. Ветер согнал тучи, и взглядам пассажиров открылись горы, их морщинистые каменные склоны, заснеженные вершины.

Те, кто видел горы впервые, стали гадать, какой они высоты.

— Две тысячи метров... Три...

Самые смелые называли цифру четыре тысячи метров.

А это был Тянь-Шань, его шеститысячметровые вершины. Ошибиться было нетрудно: отсутствовал масштаб для сравнения.

Все так — масштаб и для оценки космических полетов. Они несоизмеримы с прошлыми достижениями науки и техники. Проявившаяся сейчас мощь человека не укладывается в привычные меры.

Маленький штрих: двигатели

космической ракеты в какие-то секунды старта развивают мощность, равную мощности нескольких крупнейших гидростанций, скажем, нескольких кубышевских ГЭС. Где и когда достигалась на нашей планете столь высокая и мгновенная концентрация полезной энергии? Я говорю «полезной», чтобы отвести в сторону термоядерные взрывы, служащие пока целям разрушения, а не созидания.

Мы говорим и пишем: ракета летела так быстро, потому что на начальном участке пути она управлялась по радио. Формально это верно. А по существу такая фраза не доносит до нас грандиозности свершения.

Космическая ракета не просто управляется по радио, она летит как бы в канале из направленных радиоволн. Используются, по сути дела, древний принцип артиллерии. Отличие только в материале, из которого сделаны стенки ствола. Ракета летит по каналу электромагнитной пушки длиной в сотни и тысячи километров. Чуть корабль коснется неослабных стенок, и безотказные механизмы точно выправят траекторию.

Создание человеком машины, дом, дороги состоят из вещества видимого, конкретного, грубого. Но для полета на Луну, Венеру, Марс, Юпитер человек построен в Космосе из электромагнитного поля. Столь грандиозное

применение этого невиданного прежде строительного материала означает качественно новый этап развития техники.

Человек сумел поставить себе на службу новые формы материи, новые виды энергии. И вот их вершинное воплощение — космические полеты. За последние три года мы шагнули в мир иных измерений и представлений. Теперь нам жить в космосе.

Не подумайте только, — продолжает Г. И. Покровский, — что я стремлюсь преувеличить значение научных открытий, сделанных за три года космической эры. За это время мы узнали о Космосе столько, сколько вряд ли узнали за весь прошлый век.

Что нам было известно хотя бы об окрестностях Земли — замкнутом пространстве? Дочти ничего. Иные не было бы сенсацией открытие двух экваториальных поясов радиации вокруг Земли. Удаленные на расстояние в несколько тысяч километров, они состоят в основном из несущихся с громадными скоростями электронов и протонов, ионизирующее действие которых вредно для человека. За три года мы составили достаточно подробную «карту» окрестностей просторов, нанесли на нее опасные «мины». Теперь мы знаем, где должна пролегать траасса межпланетного корабля, на котором полетит человек: маршрут будет дан из Арктики или Ан-

тарктики в обход поясов радиации.

Мы получили сведения о составе и состоянии верхних слоев атмосферы. Мы убедились, что атмосфера простирается гораздо дальше, чем это предполагалось. Это привело к коренному пересмотру взглядов на ижунскую земной погоды. Мы убедились, что ключ к происхождению гроз, ураганов и многих других атмосферных явлений лежит в заоблачной выси и что погода творится не только в приземных слоях воздуха, но и на всем протяжении от Земли до Солнца.

14 сентября прошлого года предмет, сработанный человеком, металл, помнящий прикосновение человеческих рук, пролетел триста восемьдесят четыре тысячи километров межпланетной пустоты, впервые коснулся лунной поверхности. Вторая советская космическая ракета, образно говоря, перерезала ленточку, открыв космическую трассу Земля—Луна.

Затем нам довелось увидеть цирки, «моря» и хребты извечно скрытой от нашего взгляда стороны лунного диска.

Но вот что является характернейшей чертой первых лет завоевания Космоса: все, что мы узнали, все, что мы увидели, мы узнали и увидели с помощью автоматических приборов.

Уника, высывая из раковины рожики, обшаривает ми окружающее пространство. Находясь на Земле, мы тоже обшарили близкие окрестности планеты с помощью своего рода «рожики» — автоматики и телемеханики. И автоматика и телемеханика стали

Фото В. Тарасевича.

Каждый наш день, как добрый товарищ, радует нас хорошей вестью, наполняет чувством гордости за свою могучую страну, за своих друзей, знакомых и незнакомых, за свой труд — маленький, но необходимый кирпичик в строящемся здании коммунизма.

С этих фотографий на нас смотрит сегодняшней день, день 1960 года, со всеми его особенностями, со всеми его проблемами.

Все гуще олетают страну высокоточные линии электропередач. Это значит — неуклонно растет мощь советской индустрии, еще светлее становится в индустрии трудящихся.

Все ширится и строится наш город. Это значит, что с огромной силой развивается ево, организовываются ее по своему усмотрению.

Все меньше остается неизвестного в жизни советских ученых. Единым фронтом повели на него наступление. Это значит — придет совсем неинное время, и люди перестанут мешать тайны и загадки природы. Люди сами будут руководить ею, организовывать ее по своему усмотрению.

Все обильнее урожан сиянием мы с бескрайних плодородных полей. Это значит — с каждым годом богаче становится запово нашей Родины, лучшие и разнообразнее питаются советские люди.

Это о наш современный, подлинный энтузиаст, творец, одержимый страст-



СССР

давно привычными, но если вдуматься... Люди оставались на Земле, тогда как их глаза, уши, их осязание находились в тысячах и сотнях тысяч километров от планеты! Не чудо ли это?

Да, чудо! Особенно, если учесть, что таким способом познали вещи, находящиеся вне восприятия человеческих органов. Например, отсутствие у Луны магнитного поля. Или то, что верхние слои атмосферы под воздействием солнечной радиации льют во все стороны рентгеновский свет.

Но почему же тогда на втором спутнике была послана в Космос Лайка? И почему два месяца назад была проведена генеральная репетиция полета человека во Вселенную — запуск на орбиту и возвращение на Землю плането-лета с его многочисленными жителями обитателями?

Приборы, как бы совершенны они ни были, не заменят человека. Им нужна программа. А программа люди составляют, исходя из земных представлений о Космосе. Было бы непростительной самонадеянностью утверждать, что эти представления являются полными. Автоматы не могут заметить непредвиденное, доложить о тех свойствах космического пространства, о которых мы, быть может, и не догадываемся.

Сейчас, после запуска второго советского космического корабля и после его благополучного возвращения на Землю, среди иностранных специалистов окрепло убеждение, что первым, кто побывает в Космосе, будет советский человек.

Три года тому назад за рубежом терялись в догадках: как случилось, что не Америка, а СССР первым вырвался в космическое пространство? То, что на протяжении последующих трех лет Америка так и не сумела догнать нас на космической багетной дорожке, удивляет иностранцев, судя по печати, уже меньше.

Это означает, что в капиталистическом мире начинают понимать причину технического и научного превосходства нашей страны.



Этот рисунок сделал профессором Г. И. Покровским. Таким он себе представляет ракетостанцию. Нет, это не военный корабль. Ракетостанция на подводных крыльях предназначена для запуска метеорологических и радиотехнических спутников с поверхности океана.

В чем же эта причина? Ясное дело, не в деньгах: кто скажет, что Америка — бедная страна? И не в том, что в США нет талантливых ученых и инженеров. По некоторым честным направлениям развития космической техники у американцев есть большие достижения.

Но для капиталистической техники и науки характерна разрозненность усилий. Возникает масса планов, ведутся многочисленные разработки, разом конструируют чуть ли не десятки типов ракет. Распыление сил усугубляется конкуренцией, соперничеством монополий, каждая из которых стремится протолкнуть непременно свое. Отсюда огромное количество проектов и ни одной отработанной до конца конструкции.

Могут ли американцы устранить это, бесспорно, главную причину своего отставания? Могут, но... не устранят: конкуренция, раздробленность усилий, отсутствие единодушия так не присущи капитализму, как дереву корням.

Освоение Космоса, связанное с небывалой концентрацией сил и средств, оказалось той задачей, которую история задала соревнующимся системам.

До начала соревнования в Космосе для многих на Западе не было ясно, сможет ли страна социализма справиться с научными и техническими проблемами лучше, чем капиталисты. Теперь, когда дорога в Космос стала для СССР аллеей побед, кто усомнится в этом? Титаническая задача по плечу только титану.

Говоря о будущем космонавтики, обычно указывают на планеты солнечной системы — вот арены новых свершений. Да, несомненно, уже недалекий день, когда след человеческой ноги отпечатается на пыли лунной равнины, когда усталые исследователи сдуят дождик на берег одного из марсианских каналов. Все это, несомненно, будет. И, хотя мне уже немало лет, я уверен, что окажусь всею тому свидетелем.

Но мне хотелось бы остановиться, если так можно сказать, на космическом будущем Земли. Что дадут нашей родной планете космические полеты?

Морак имеет тонкую карту рифов, мелей и скал. Машинист электровоза хорошо осведомлен об уклонах и поворотах дороги. И лишь агрономы лишены четкой перспективы и сегодня не знают,

какая погода ждет их сельскохозяйственный корабль завтра. Не точность прогнозов объясняется прежде всего тем, что мы пока лишены возможности постоянно следить за верхними слоями атмосферы.

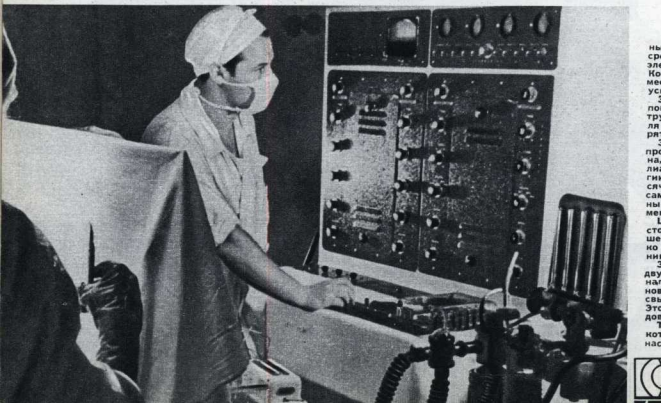
Экономисты подсчитали, что из-за неблагоприятных метеорологических условий ежегодно на земном шаре гибнет около трети урожая. Ливневой дождь этих потерь можно было бы избежать, если создать над планетой сеть метеорологических спутников, сообщения которых открыли бы ученым полную картину атмосферных процессов. Тогда агрономы, зная погоду ближайшей недели и месяце, смогут маневрировать культурами и сроками посевов. Если благодаря этому потери урожая сократятся хотя бы вдвое, что вполне возможно, то запуск сети метеорологических спутников будет наивыгоднейшим предприятием.

Думается, что и межконтинентальный транспорт со временем обретет космические скорости. Если в полете будут использоваться все ступени ракеты, то такое путешествие станет дешевле авиационного. Выныривая из атмосферы, как выныривают из воды летучие рыбы, гигантские стратопланы смогут самые удаленные города нашей планеты. Поездка из Москвы во Владивосток займет тогда не больше времени, чем путь из Москвы в Тушину.

Точно так же выгодно будет применить ракеты и спутники для создания всемирного телевидения.

Я сознательно не касался открытий, которые нас ждут на других планетах. Может быть, то будут удивительные минералы, добытые на астероидах, фантастические растения Венеры, остатки древней культуры Марса. Кто знает, что предположит Разве судят о морях по прибрежным отмелям? Ведь мы едва оступились в волны беспредельного океана Вселенной... Но главное сделано: дали Вселенной распахнуть свершинным человеческим.

Фото И. Хорунжого.



ным стремлением в самый короткий срок построить коммунизм, возводил электростанции и города, врывался в Космос и недрю, изо дня в день, из месяца в месяц добивался невиданных успехов в сельском хозяйстве. Это он, советский человек 1960 года, покonzавляет всей планете беспримерной трудовой горючки, пользуется, что «воля и труд человека динные дива творят».

За девять месяцев нынешнего года произведено 34,7 миллиона тонн чугуна, 48,4 миллиона тонн стали, 187 миллиардов киловатт-часов электроэнергии... На поля страны вышл 179 тысяч новых тракторов, 43,4 тысячи самоходных комбайнов... Стройки страны получили 33,3 миллиона тонн цемента, 6,9 тысячи экскаваторов...

Цифры? Сухие? Цифры. А сколько стоит за ними замечательных свершений! Сколько трудовых вавств! Сколько неустанных поисков в осуществлении смелых замыслов!

За девять прошедших месяцев около двух миллионов изобретений и рационализаторов внесли более трех миллионов предложений, из которых внедрено свыше одного миллиона сегоист тысяч. Это дает в год около десяти миллионов рублей экономии.

Таков наш сегодняшний день, день, который, как добрый товарищ, радует нас хорошими вестями.



СССР
1 9 6 0





«ЛЕНИН В ПОЛЬШЕ»

НОВЫЕ КИНОСТРАНИЦЫ О ЖИЗНИ ВОЖДА

Этим летом на улице небольшого польского городка Поронина, неподалеку от Кракова, жители могли наблюдать удивительную картину: известный всему городу старожил доктор Янек беседовал возле булочной с... Владимиром Ильичем Лениным. Старжики были готовы поклясться, что время повернуло вспять. Вот именно здесь, у булочной, пан Янек и пан Уляшок беседовали толпами вчерашних 1913 года. Только вот пан Уляшок словно бы и не изменился с тех пор, а пан доктор... У пана доктора тогда не было седина в усах, да и без палочки в руках он вполне мог обойтись.

В Поронине немало людей помнят Владимира Ильича. Их рассказы и воспоминания помогли съёмочной группе воскресить обстановку тех лет.

Все те же Татры спокойно и строго выси-

лись кругом. Виделись те же дороги, по которым проезжал на велосипеде Ильич. С туманных перевалов открывались дальние цели гор — ими любовался Ленин... И все же съёмочная группа так и не смогла отнять в натуре многих намеченных сцен. Сам город Поронин стал неузнаваемым. Исчезли хаты: они уступили место хорошим, новым домам. Промельгали прямые улицы, скверы, задымленные трубы. Уже не о приметах нового можно говорить в Поронине, а, наоборот, раскрывать приметы прошлого.

Почти пятьдесят лет назад на этих мест В. И. Ленин руководил «Правдой», направлял деятельность большевистской фракции в Государственный думо, разрабатывал программу партии по национальному вопросу. Здесь встретил Ленин известие о начале первой мировой войны.

Напрасно правители габсбургской империи пытались упредить в тюрьму, оторвать от народа человека, одинаково опасного для правительств обеих воюющих стран. Протест честных людей, многочисленных друзей Ленина как среди порочащих представителей польских рабочих, так и среди польской интеллигенции сорвал их замыслы.

Этот драматический период жизни В. И. Ленина привлек к себе внимание и советских и польских кинематографистов. Родилась мысль о совместной постановке фильма. Сюжеты его написали советский писатель Е. Габрилович и польский литератор И. Неверин, автор известной нашим читателям повести «Парень из Сальских степей». Снимает фильм режиссер В. Невзоров и польский оператор Ежи Липинян.

Вский раз, когда на сцене или экране появляется дорогой и близкий образ Ильича, мы, радуясь встрече, открываем в нем какие-то новые грани, новые черты, новые оттенки. Мы хотим знать больше о великом и простом человеке, учиться жить у него, начиная с самого простого и обычного. Фильм «Ленин в Польше» сочетает в себе рассказ о революционной деятельности Ленина с повествованием о его привычках, увлечениях, о его семье, близких людях. Фильм открывает нам великого вождя не только борцом-трибуном, но и «самым человеческим человеком».

Сырье 70 артистов приняла участие в предварительных пробах на роль В. И. Ленина. В итоге был утвержден заслуженный артист республики Н. С. Провоторов. На сцене Канзасского русского драматического театра Николай Сергеевич сыграл роль Ленина в пьесе Н. Погодина «Третья папаческая». Ранее он играл роль Володи Ульянова в пьесе И. Попова «Семья». В кино Провоторов снимается впервые.

В других ролях заняты советские и польские артисты. Роль Василия Михайлова, близкого друга и помощника Ленина, играет Ю. Сарацин, Надежду Константиновну Крупскую — М. Пастухова, мать Н. К. Крупской — Е. Хованская, польскую девушку Ульску — М. Липинская, столера Хробака — С. Мильский.

Собрав съёмочная группа вернулась из Польши. Впереди упорная и напряженная работа в павильонах «Мосфильма».

Леонид ТЕРЕХИН

В Петрограде — топы и топки.
Зимний в страхе, тревоге и спорах...

...Разгорается жарче топка,
паросы набирает скорость.
Крепко держит Ильич сон,
шурит глаз на ярые нямия...

И кует Путиловский завод
революцию у наковален.
Гутует рельсы.
Море восторгов восторгов
в островных пустых деревнях...
Аттракционы раскаленные в ядро,
и зарей нарастающий день.

САМОКАТЧИК СОВНАРКОМА

На фотографии — мальчик лет четырнадцати в красноармейской форме времен гражданской войны. В его руках с чисто мальчишеским шепотом змеек стелз зная, мой нахичи...

Этот д... ульбається мой собеседник, офицер в отставке Евгений Михайлович Шкин. — Симон сделал в 1922 году в Кремле.

В 1917 году отец Шкина, пономственный итерский рабочий, ушел на фронт. Мальчик остался один, без присмотра. Он бежал из Петрограда на фронт, под Новороссию, «бить буржуев». Там Женя попал в матросский отряд, воевал на Дону, участвовал в подавлении кулацких восстаний, побывал на польском фронте.

Потом Евгений Шкин командировали в Москву, в самолетную команду Совета Народных Комиссаров. С гордостью надел он форму — гимнастерку, кожаную куртку, шлем. Самонакатчик осуществлял связь между членами правительства и наркоматами, доставлял корреспонденцию — чаще всего толстые папки с большими сургучными печатями.

Однажды Шкин вызвали в Совнаркоме, и секретарь Владимира Ильича Ленина Л. А. Фотеева вручила ему толстый папек с напечатанными: «В собственные руки». Папек нужно было доставить К. Цеткин.

Цеткин взяла папек и попросила подонать. Потом, внимательно посмотрев на самолетчика, улыбулась и добавила: — Поиграйте пока, чтобы не скучать.

Возвратившись в Совнаркоме, Шкин начал делавывать. Вotiveвой о пезде и Цеткин. Вдруг, обернувшись, увидел Владимира Ильича. Ленин стоял позади, чуть наклонил голову, и слушал рассказ самолетчика. Затем, как-то особенно тепло улыбувшись, спросил, кто он и давно ли служит в армии.

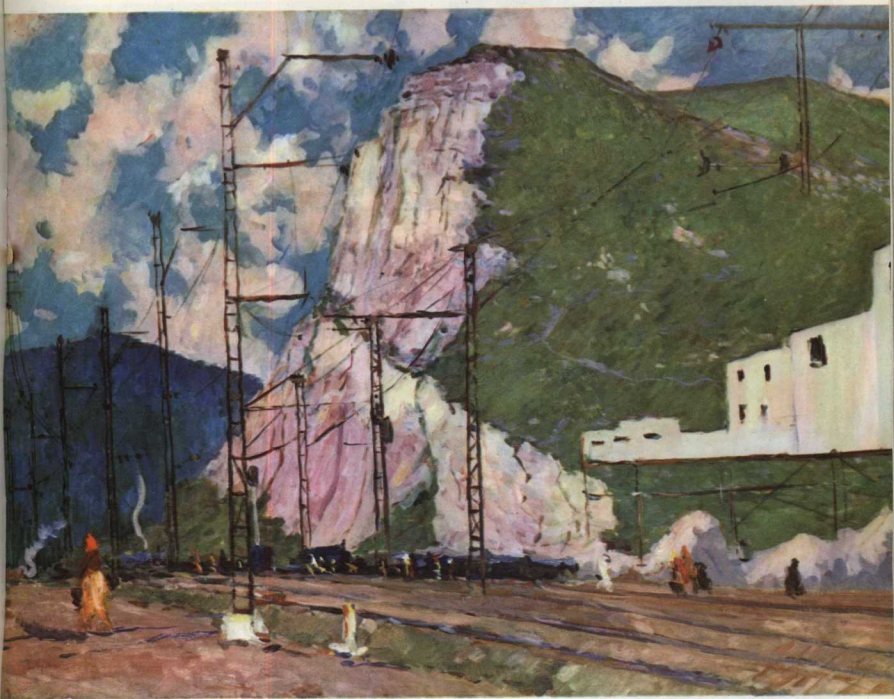
Евгений в нескольких словах рассказал свою историю. Владимир Ильич приврал разговор и сказал Луначарскому: — Вот юный красноармеец. Ему учиться надо, а не слушать. Это по нашей части, Анатолий Васильевич. — И, обратившись к Шкину, добавил: — Ну так вот, будем учиться.

Вскоре после этого Евгений Шкин поступил на рабфак МГУ.

А. ХЛЕБНИКОВ

г. Выборг.







Выходит
один раз в месяц.
№ 7
Год издания 1-й.

ОКТАБРЬ 1960

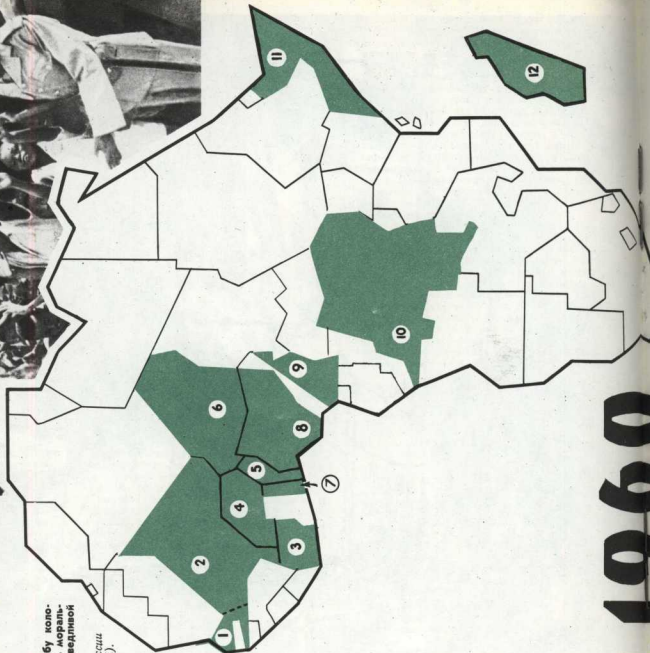
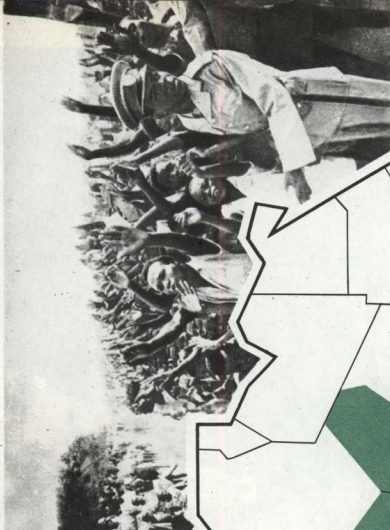
МЕЖДУНАРОДНАЯ ГАЗЕТА «СМЕНЫ»

ВЫБРОСИТЬ КОЛОНИАЛИЗМ НА МУСОРНУЮ СВАЛКУ ИСТОРИИ

Советское государство приветствовало и приветствует борьбу колониальных народов за независимость и делает все, чтобы оказать моральную и материальную помощь колониальным народам в их справедливой борьбе.

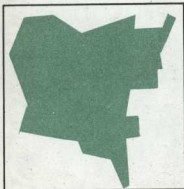
(Из выступления Н. С. Хрущева в общей дискуссии на XV сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций).

1. **РЕСПУБЛИКА СЕНЕГАЛ.** Б. независимость, провозглашена в сентябре 1960 года. Столица — город Дакар. Председатель правительства республики — Мамаду Дио.
2. **РЕСПУБЛИКА МАЛИ.** Образовалась 22 сентября 1960 года. Столица — город Бамако. Председатель правительства республики — Модибо Кейта.
3. **1960 БЕРЕГ СЛОНОВОЙ КОСТИ.** Независимая республика с августа 1960 года. Столица — город Абиджан. Численность населения — 320 тысяч квадратных километров. Население — 3,5 миллиона человек.
4. **ВЕРХНЯЯ ВОЛЬТА.** Независимая республика с августа 1960 года. Премьер — Морис Янго. Площадь — 275 тысяч квадратных километров. Население — 3,5 миллиона человек.
5. **ДАГОМЕР.** Независимая республика с августа 1960 года. Премьер — Юзеф Каришчак. Площадь — 115 тысяч квадратных километров. Население — 1,7 миллиона человек.
6. **НИГЕР.** Независимая республика с августа 1960 года. Премьер — Амади Дiori. Площадь — 1 280 тысяч квадратных километров. Население — 2,5 миллиона человек.
7. **ТОГО.** Самостоятельная республика с апреля 1960 года. Премьер — Силианс Клутор. Площадь — 57 тысяч квадратных километров. Население — около миллиона человек.
8. **ФЕДЕРАЦИЯ НИГЕРИЯ.** Федерация трех провинций — Северной, Западной и Восточной. С 1 октября 1960 года — самоуправляющийся доминион. Премьер — Абрахам Аду. Численность населения — 35 миллионов человек. Население — 878 тысяч квадратных километров. Население — 35 миллионов человек. Негритские народы хауса, йоруба, ибо и др.
9. **КАМЕРУН.** Объявлен самоуправляющимся республикой 1 января 1960 года. Премьер — Феликс Роуленд. Численность населения — 12 тысяч квадратных километров. Население — 3,5 миллиона человек.
10. **РЕСПУБЛИКА КОНГО.** Независимая республика с июня 1960 года. Площадь — 2 344 тысячи квадратных километров. Население — 14 миллионов человек. Негритские народы группы банту: банго, бангуба, монго и др.
11. **СОМАЛИЯ.** Республика, получившая независимость в июне 1960 года. Премьер — Абдуллахи Исса. Площадь — 680 тысяч квадратных километров. Население — 2 миллиона человек, народ сомали.
12. **МАЛТАЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА.** Независимое с июля 1960 года государство. Премьер — Роберт Гаскелл. Численность населения — 22 тысячи квадратных километров. Площадь — 396 тысяч квадратных километров. Население — 220 тысяч человек. Народ мальташи смешанного малайско-африканского происхождения.



АФРИКА 1060

СЧАСТЬЕ ^и КОНГО ТРАГЕДИЯ



Мне пришлось познакомиться с народом, которого в самые радостные и печальные, самые тревожные дни его истории — в конце двенадцатой — начале шестидесяти годов — вступил в мучительной борьбе с коммунизмом. Вспомнил о том, что в то время я пытался заставить советский народ сменить золотой пестрый парадный флаг на синий, а на нем — государственный флаг, как начался новый период в истории нашей страны. Прогноз молодой республики лился с тех пор, как вода из ведра. Но в то время я не знал, что в то время в стране происходили перемены — весь арсенал средств современного империализма был пущен в ход.

Пропагандистская работа велась и в отношении немцев. Одним из основных направлений деятельности немцев в отношении СССР было распространение слухов о якобы имевшем место изменении позиции Сталина по отношению к Германии. В ответ на это в 1941 г. в СССР была проведена кампания по разоблачению «пятой колонны» и «фашистского заговора».

Во всех городах страны на улицы вышли трудящиеся — рабочие-транспортники, металлисты, батраки с кофейных плантаций. И армия поддержала народ, требовавший права самому распоряжаться своей судьбой.

на Среднем и Южном Урале, в том числе примесные разгрузки по-прежнему являются проблемой. Леопольдинга, когда в 1957 году в СССР были приняты первые законы о защите окружающей среды, когда пришло понимание, что загрязнение окружающей среды — это не только проблема, но и угроза здоровью человека. В то время в СССР не было ни одного закона, который бы регулировал охрану окружающей среды. В то время в СССР не было ни одного закона, который бы регулировал охрану окружающей среды. В то время в СССР не было ни одного закона, который бы регулировал охрану окружающей среды.

МАРСЕЛЬ АНОМА
(Федерация аф
ских студентов, с
шихся во Франци[illegible]

УСМАН ДНОП



«В то время, когда африканские народы освобождались от колониальных рабских отношений, роль молодых африканцев во всех областях была очень важна. Вот почему эта молодежь, изучая науку, прилагая к своему будущему делу все усердие, должна была стремиться к тому, чтобы сделать возможным мирное сосуществование, которое является гарантией мирного развития науки, культуры и экономики всех стран».

[illegible]

В. ИОРДАНСКИЙ

МАРСЕЛЬ ЛЕВО
(Бельгия)



«Мы знаем, что слово Вельгия» произносится в Конго с огорчением. Мы считаем себя ответственными за это положение вещей, и мы глубоко от этого страдаем. Тем не менее мы просим, не отомстить нашу страну и нашу молодежь с колониальными кругами, которые приносили такие тяжелые испытания молодежи Конго».

[illegible]

Иван Завкин, Джума Ширкуров и танк «Т-34» — старые знакомые, однопольчане. Они вместе побывали на Курской дуге в сорок третьем. Теперь друзья готовят стального ветерана к новой битве. Битие за харьковским газ. Смерь, первые переоборудованные под бумажные свачи шасси от «Т-34» выйдут в песок.

Фото В. Савка.





КОНЕЦ „СЕЛОЙ ГОЛОВЫ“

Рисунки А. Калининцева.

(Окончание. Начало см. в № 19).

Утром в Осинтрово прибыли каратели. Главы, найденные под балками, а затем и пулемет, кое-как спрятанный на чердаке, не оставили сомнений. Иван и Евгений Телешенко были схвачены.

Братья Телешенко героически шли себя на допросы. Они не скрывали, что стреляли в изменников Родины, но не выдали Шумлевского и Климовича, бывших вместе с ними в засаде. Через два дня комсомолы были расстреляны.

Вечером в квартире у Людмилы Букатик собралась дружная компания. Этот день и стал днем создания подпольной комсомольской организации. Шумлевский, Климович, Люся Букатик, Мария Макаренко и другие поклялись мстить титгеровцам. Первыми в организацию были допущены приятели Евгений и Иван Телешенко. Командиром избрали Шумлевского. Много еще опасных минут пришлось пережить комсомольцам, но раз они смортели смерти в глаза, но они навсегда запомнили этот день и тех, кому выпала участь первыми отдать свои жизни в борьбе с врагом...

Титгеровцы спешно восстанавливали торфяной завод. Им надо было пустить Беларусь. На работу наехали всех, от мала до велика.

Как бы? Неужели работать на захватчиков?

На квартире у Букатик горячо обсуждали этот вопрос. Было решено: на работу выходить, но вредить же только возможно. И вот уже летит с места моторов, развиваются колеса. Много это оккупанты объясняли действиями партизан.

Партизаны! Если бы у комсомольцев была с ними связь! Целыми днями Огурцов, Третьяков, Макаренко пропадал в окрестных деревнях, пытаясь напасть на их след. А немцы определенно что-то замечали. Из той деревни посела кто-то всегда помогал ему расколотить в трустах титгеровцев, и он получал разрешение жить в поселе.

В это время у подпольщиков появился старший товарищ. До войны коммунист Евгений Романович Вильсовский был директором школы в Наличине. Попав в окружение, а затем в плен, он оказался в Осинтрово. Знание немцев, титгеровцев, и он получил разрешение жить в поселе.

Стойкий коммунист, прошедший большую жизненную школу, он презирал бездумное героизм и шиканное личкачество. По совету Вильсовского были созданы «взвешки». Их командиры вкачали в штаб. Членами штаба стали Шумлевский, Огурцов, Макаренко, Бугаева. Было решено принимать в организацию лишь тех, кто выполняет какое-нибудь задание и пройдет всестороннюю проверку. Новички знали только команду своей «взвешки».

ПИСЬМО «ДЯДИ КОСТИ»

Понски наконец увенчались успехом. Через дальнего родственника одного из подпольщиков, партизанца бригады Константина Заслонова, удалось договориться о встрече. Она происходила на окраине деревни Озеры у старой бабы.

Весной сорок второго года слава о бесстрашном народном мстителе уже неслась по Бело-

руссию. Его бригада появлялась всегда неожиданно. Партизаны нарушали коммуникации, взрывали склады, устраивали засады.

Заслонов прибыл в Озеры под вечер. Его сопровождал человек двадцати. Невысокого роста, плечистый, в черной куртке железодорожника, через плечо на ремне музет в деревянной кобуре — таким запомнился он Шумлевскому. Заслонов, не перебивая, выслушал рассказ Станислава о положении в Осинтрово.

К этому моменту в поселе было уже много титгеровцев и белоэмигрантов, формировавших свою кармину. В Осинтрово располагалась немецкая комендатура, развирнула деятельность упрва. На Центральном поселке на глазах у населения почти каждый день вешали или расстреливали людей, подозреваемых в сочувствии партизанам.

Появлялись и первые «дубовольцы». Так именovali тех, кого удавалось завербовать в «русскую армию». С некоторыми из них группе Шумлевского удалось установить связь.

В подпольном большинстве эти люди соглашались подписать отпечатанные в Берлине бланки, касавшиеся в безжалостном положении: за отказ расстреливали. Многие из них жили надеждой, что, получив оружие, они смогут уйти к партизанам.

Так перед подпольной группой возникла сложная и опасная задача: разрушить коварный план верховного командования немецкой армии.

По совету Вильсовского подпольная группа приняла решение устроиться на работу в гарнизон. Нужны были прочные связи с «дубовольцами».

Шумлевский шел на встречу с Заслоновым не с пустыми руками. В числе тех, с кем комсомольцам уже удалось связаться, был старший лейтенант Яков Гаврилович Лебедев. В Осинтрово он был назначен командиром роты. Офицер сразу же стал выяснять настроения солдат и с радостью обнаружил, что почти все, так же как и он, мечтают о побеге. Но куда бежать? Где фронт? Лебедев знал не больше других.

Особенно удачно устроился на работу Людмила Букатик и Валя Бугаева. Первую приняла тифлоистской, а вторую пошла в столовую. Случайно так, что Валя разговорилась как-то с Лебедевым. Осторожно, намеками девушка попыталась выяснить отношение офицера к положению, в котором он оказался.

Лебедев не скрывал своей невинности к титгерцам, говорил, что ждет только случая, чтобы бежать.

В дальнейшем он подался со Шумлевским своим планом. Лебедев собирался не просто увести роту, но и дать бой, уничтожить штаб. Обо всем этом Шумлевский рассказывал Заслонову.

Комбриг одобрил действия комсомольцев. Они договорились о постоянной связи, о свидениях, которые нужны партизанам.

— Но, пожалуй, главная задача организации — Заслонов на минуту замолчал, словно прислушиваясь к шуму деревьев над головой, — основная цель — помочь нашим советским людям, попавшим в эту проклятую кармину. Там наверняка есть сотни честных, преданных Родине людей. Пусть ваш старший лейтенант примет мое личное участие. Обсудим сообща...

Он вынул из холмовой сумки блокнот и тут же при свете карманного фонарика написал письмо. — На, передашь ему.

Письмо чудом уцелело и дошло до нас. Вот что писал легендарный комбриг:

«По имеющимся данным, Вы, как настоящий патриот Страны Советов, решили связаться с нами и свое патристическое настроение связать с нашими боевыми действиями.

Вы прекрасно понимаете, Вас агитировать не следует, т. к. Вы политически грамотный товарищ, что нашего строя никому не свернуть.

Я хочу просто напомнить Вам старинную русскую истину, изреченную великим русским полководцем Александром Невским, что кто на нашу русскую землю придет с мечом, тот от меча и погибнет.

Нельзя мы с мечом и огнем, танками и самолетами к себе не звали, он сам пришел к нам, привел в действие средства вооружения, так пусть же он, покаянный немчур, и знает, что он же от тех средств и погибнет.

Дорогой товарищ, приходите конец фашизму, близится его гибель. Я прошу в любое время, удобное для Вас, явиться ко мне для личных переговоров. Заверю Вас и даю честное слово партизана, ядите абсолютно спокойно, не беспокоитесь за последствия. Никто Вас и не найдет ни тронет. Будет ли справедливо, если мы, советские люди, будем друг друга уничтожать, когда у нас есть общий проклятый враг?..

Время встречи, место встречи устанавливаете Вы, я абсолютно полагаться на Вашу честность и справедливость.

Прошу встретиться, очень хочется встретиться и лично.

С приветом

Комбриг Заслонов.

Как величайшую ценность передавала это письмо бойцы из роты старшего лейтенанта Лебедева. Оно вдохнуло в них уверенность, что они смогут вернуться на правый путь, смогут бороться с ненавистным врагом.

Через несколько дней подпольщики организовали встречу Лебедева с Заслоновым. Они разработали план перехода. От нападения на штаб по стратегическим соображениям Заслонов отказался: название было падать, регулярные уклады солдат и офицеров из гарнизона.

На следующий день Лебедев попросил отпустить его роту на заготовку дров. Это не вызвало подозрений.

Шумлевский ждал Лебедева у Сухой гряды, километрах в пяти от посёлка. Вот наконец и рота. Лица бойцов серьезные. Люди идут молча. Лебедев испускал свою вину перед Родиной, идя твердо, без колебаний...

Перед тем как войти в лес, Лебедев остановил бойцов.

— С этой минуты, — сказал он негромко, — мы продолжаем борьбу с фашистами. Если кто предпочитает остаться, — два шага вперед. Строй не дрогнул.

Лебедев и его бойцы явились в бригаду Заслонова. В дальнейшем Яков Гаврилович отказался с захватчиками, был командиром партизанской разведки.

ПЕРЕВОДЧИЦА

Молодую учительницу Женю Нефедову однажды забросила на станцию Осиюнка.

Сидеть сложа руки Женя не могла. Страстное желание было помешать Родине привело Нефедову и ее подругу Нишу Шалауду к Заслонову. Однако комбриг решил по-своему.

ИСПЫТАНИЕ

— В отряд по возьмем, — сказал он, — нам в сто раз важнее иметь своих людей на станции. Кстати, есть сведения, что как раз в Осиновке начальник станции ищет переводчика. Поэтому вот вам, Женя, наше главное задание: поучить немецкий и знать эту должность.

— Работать на фашистов?

— Да. Я сам ремонтировала в Орше немецкие паровозы. — Засонов хитро улыбнулся. У него была удивительно расхожим фраза: — Правда, потом я же и зрывала их. Вот так-то.

Женя засела за немецкий. А через некоторое время на пороге кабинета начальника станции стояла скромно одетая девушка. Первые фразы Женя тщательно отсчитывала.

— Мои родители больны. Их надо кормить. Я могу предложить свои услуги...

— Вы, кажется, неплохо знаете немецкий, — улыбнулся начальник. Ему было уже за пятьдесят. — А ту, которую мы зовем бумаж.

У Женя отлегло от сердца. Читала она хорошо. Ее приняли.

Днем теперь она чинно сидела в кабинете рядом с немцем, а когда вечерело, отправлялась в Озеры. Там ее ждала связная. Она передавала в отряд драгоценные сведения: расписание движения поездов, сообщения, какие и с чем пройдут эшелоны.

А утром перед начальником станции снова появлялась тихая девушка. Единственная в семье кормилица.

Вскоре Женя установила связь с группой Шмуглевского, но Осинифоры было рукой подать. Они начали действовать сообща. Это было особенно ценно, потому что Женя, как переводчица, могла в любое время появляться в Осинифоре.

Правда, каждый неверный шаг мог стать роковым. После ухода роты Лебеда враги были настороже.

По совету Засонова подпольщики переводили теперь людей мелкими группами, в основном солдат и сержантов. Офицеры были нужны в Осинифоре как организаторы. За месяц Женя лично перевела к партизанам несколько десятков человек.

Однажды по Осинифору прошел слух, что карателям прочесывают леса. Захватили пленных. Пытуют. Шмуглевский предупредил Женю, что на время надо приостановить переброску.

«Ночью в дьерш постучали. Женя выскочила палато. Отгнала. На пороге стояла два офицера из гарнизона.

— Нефедова?

— Вот вы кака! — Один из них осветил Женю фонарем. — Соберитесь. Быстро.

В машине сидел один из тех, кого Нефедова отгнала несколько дней назад в отряд.

— Не узнаете знакомых?

— Нет.

Хватит крикаться! —

Утром начался допрос. Иванов говорил тягуче, с паузами.

— Нам известно, что вы представляете подпольных... Все наши неприятности ведут к вам. Мы не хотим на вас. В моих глазах вы ничего не прочтете. Они у меня сосканились... Это знают все. Так с кем вы связаны?

Женя отстранила все. Она знала, что улик против нее нет. Только это солдат...

— Кому вы верите? — удивленно сказала она. — Солдат держит за свою шкуру. Чем он докажет, что это была я?

Доказательств у предателя не было. Из Осинифовки то и дело звонил начальник станции: почему задержана переводчица? Старик немец дал Женю самую положительную характеристику.

На следующий день допрашивал Сахаров. Нет, он положительно не понимал этих людей. Чего они хотят? Почему не видят в них, таких же русских, своих освободителей?

— Вы учительница, интеллигентный человек, — Сахаров говорил мягким, сочувствующим голосом. — Неужели вам не ясно, что на русской земле происходит исторические события?

Но глаза избитой девушки по-прежнему смотрели на него без всякого интереса. — Какое произведение у Женя, не дал никаких результатов! истоски был спрятан в надежном месте. Начальник станции настаивал на благонадежности переводчицы. Это помогло. С Женя взяли подписку и отпустили.

А рести в Осинифоре продолжались. Вместе с человеком, выдавшим Нефедову, в поселке оказался и солдат из роты Лебеда. Он сообщил, что их переводка рыжий паренек.

В Осинифоре была устроена облава на рыжик. Каждому задержанному устраивали очную ставку с предателем.

Вроде этот — кинули он, когда в комнату вошел Шмуглевский.

Стас отправил в Оршанское гестапо. Арестованных держали в темных подвалах амькомбината. Все допросы сопровождалась жестокими пытками. На расстрел выводили на рассвете. Каждую ночь после в четыре часа гремели засовы...

Однажды на прогулке Станислав увидел средь охранников знакомого парня. Когда-то они сидели на одной парте.

— Шупуло! — позвал он нетерпимо.

Тот, оглянувшись, подошел.

— Чем могу помочь?

— Сообщить матери, что я здесь...

Так в организации узнали, где Шмуглевский. Через день Шупуло сулил Шмуглевскому небольшой светок. В нем оказалось несколько паечек немецких марок.

Во время обхода Станислав попросил разговора со следователем. Его отвели наверх. Худой поном в очках вопросительно уставился на арестованного.

— Хочу переводить наудие, — сказала Шмуглевский говорю.

Немец отпустил часовых, вынул пистолет. Марки лежали у Стаса под рубашкой. Он сулил руку за ними. Немец отпустил и отправил на Шмуглевского пистолет. Но Станислав постарался выжить из себя улыбку. Вынул марки, он бросил их на стол. Немец жмур смахнул деньги в мши.

Гут! — бросил он и вынул часовых.

Снова подали. Около четырех утри закричали ржавые пель. «Не помогли марки. Их, мало успел сделать в жизни» — прыгали в голове мысли.

Два гестаповца вывели его за ворота. Пошли в сторону огромных рвов.

Звезда в небе уже начала меркнуть. В липду прохладный утренний ветерок... Неужели это и есть его последние в жизни шати?

Показался узкий перемычка. На ее прогнанию концы кусты, а за ними свобода, жизнь.

Поздней друг раздался смех. Стас краем глаза посмотрел назад. Гестаповцы стояли, раставили ноги, и хохотали. Их сиятели резко выделались на фоне неба. Вскочил автомат, один из них дал очередь вверх. Другой махнул Стасу рукой и, повернувшись, они зашагали вверх по ояру.

Марки, присланные Засоновым, сделала свое дело.

ГОТИНГ-ЗЕЕРБУРГ НЕРВНИЧАЕТ

Готтинг Готтинг-Зеербург нервно. Черт возьми, что «русский армян!» Оправдываются его худшие предположения. Сергей Иванов пьшветает вместе с другими арестованными — Воронцовым, Столыпиным, Лисендром. А «добровольцы» бегут к партизанам.

Накануне Готтинг-Зеербург получил из Берли-

на очередную шифровку. Его уведомили, что в Осинифор собирается выехать зондершперер фон Шланке. У него будут особые полномочия самого фюрера. «Блашая, наперное, птица, — думал Готтинг. — Достойно егого слова, и он, Зеербург, может оказаться на передовой. А дела там идут отнюдь не блестяще...» Нет, пора ему самому принять самые решительные меры, пока этого не сделали другие.

Так началась блокада лесов, в которых дислоцировалась бригада Засонова. Партизаны с немцами отходили. Группа Шмуглевского потеряла с ними связь. Это значительно осложнило обстановку. Как раз в это время для перехода была подготовлена большая группа «добровольцев». В нее входило более тысячи человек. Подпольный штаб охот, принимая все меры к тому, чтобы установить связь с партизанскими соединениями.

Помог случай. Комсомолы решили взорвать мостом железной дороги. Но одна из мин сработала преждевременно, и Стурман был ранен в руку. Пойти в больницу? Уведомо. Подпольщики کمک фелдшер из «добровольцев» Иван Петрович Ермолин. Потом стало известно, что он самостоятельно ушел из гарнизона и вступил в 16-ю Смоленскую партизанскую бригаду. Там Ермолин и сообщила о существовании в леске подпольной организации. Командование бригады установило связь с группой Шмуглевского. Можно было продолжать действовать. Зимой 1942-1943 года особенно усилилось стремление «добровольцев» уйти к партизанам. Формировка закончилась. По слухам, «кармело» собирались бросить на фронт.

Долгое время трудились комсомолы над подготовкой к уходу в лес этой группы. Решали, что перед отходом будут заминированы склады с боеприпасами и продовольствием. В гарнизоне подготовкой руководил интендант одного из батальонов подполковник Содел. Ему удалось по виду общения подрыжников заминировать вагончики объекты.

Подготовку заматки солдаты из других батальонов. Накла достиг высшей точки. Люди боялись упустить момент. Вот почему, когда однажды ночью группа Содела во главе со Шмуглевским начала уходить из гарнизона, вместо за ними движущихся и другие батальоны.

К утру Осинифор был почти пуст. Здесь осталось всего несколько рот, в которых были немцы.

Поднялся перевалок. К двенадцати часам из гарнизона прибыло высокое начальство. И как раз в это время начали изстать на воздух заминированные склады. Взрывы продолжались почти двое суток.

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАДАНИЕ

В то что, что осталось от «Седой головы», партизаны решили срочно перебросить подпольные от Засонова Осинифору, не стацион Березино. Но ведь еще оставалось несколько сот человек, жаждущих уйти к партизанам. Их нельзя было оставлять под немецким истреблением. И штаб 16-й Смоленской бригады поручил Жене Нефедовой ответственное задание: перебраться в Березино и организовать уход последних «добровольцев».

Много опасностей ждало отважную подпольщицу во время выполнения этой операции. Действуя в одиночку, она сумела, приехав в Березино, устроиться на работу в сельскохо-





Вера Букатиц.



Людмила Букатиц.



Зинаида Варламова.



Евгения Нефедова (Кленовская).

зайственную комендатуру, владеть связи и перевести остатки «армии» к партизанам. Фронт к этому времени подвинулся уже к Смоленску. Командование немецкой армии начало создавать на Днепре пресловутый «Восточный вал». В Осинторфе, расположенный недалеко от Днепра, прибыл с особыми полномочиями зондерфюрер Шпанке. Он должен был владеть оборонительные работы на этом участке.

Группа Шмуглевского получила новое задание: любой ценой доставить Шпанке к партизанам или уничтожить его.

Выполнить это было нелегко. Зондерфюрера охраняли эссы, прибывшие из Берлина. С большим трудом подпольщикам удалось устроить пероводником в штаб Шпанке члена организации Николая Великосельского. Через него было известно обо всем, что происходит в штаб-квартире.

В марте 1943 года Великосельский сообщил, что через несколько дней Шпанке собирается посетить подпольную базу, которая снабжала войско гидротехническим торфяным заводом. Здесь, километрах в десяти от Осинторфа, устроили засаду.

Закладывшие засаду, гитлеровцы метались в огненном кольце. Шпанке был убит. Водонипомки бились вояжины. Все гидротехническое оказалось выведенной из строя. Восстановить ее гитлеровцы уже не смогли. По случаю гибели Шпанке был объявлен дружелюбный траур.

После этой операции оставаться в Осинторфе подпольщикам было уже нельзя. Они получили приказ уйти в 16-ю Смоленскую бригаду.

Комсомольцы-подпольщики стали партизанами. Они продолжали мужественно бороться с гитлеровскими захватчиками.

ЭПИЛОГ

Как же сложилась дальнейшая судьба членов осинторфской подпольной организации?

Смело героев пали в боях с гитлеровскими захватчиками Евгений Вильсовский, Людмила

Букатиц, Заура Малахович, Наталья Нольберг, Василий Огурцов, Георгий Третьяков...

Провоса до конца войны в партизанской разведке, Станислав Шмуглевский засел за учебу. Он окончил педагогический и юридический институты. Работал директором школы. Нынче коммунист Шмуглевский — председатель колхоза имени Калинина, Спирянского района.

Отважная разведчица Евгения Нефедова (Кленовская) после войны вернулась к педагогической работе. Сейчас она заведует в Минске районным отделом народного образования. Встретив ее, вы никогда не подумаете, что эта чуть полная женщина с приятной улыбкой вела когда-то опасную борьбу с гестапо и вышла из нее победительницей.

Мария Макаренко учителемствует в Минске. Николай Великосельский живет в Горьком. Он инженер-кораблестроитель. Инженером-путейцем стала Зинаида Варламова.

Мирным трудом заняты и вчерашние комсомольцы-подпольщики. Мирной жизнью живет Осинторф — благоустроенный рабочий поселок. Молодежь Осинторфа свято чтит память героев-комсомольцев, отдавших свои жизни за то, что бы сегодня люди могли спокойно жить и трудиться.

А что стало с теми, в чьих головах родился бредовый план создания «русской армии»?

Сергей Иванов еще в конце 1942 года был отозван в Берлин за растрату казенных денег. Этот человек подвизался впоследствии на должности начальника одной из разведшкол. В 1945 году он с радостью сдался американским войскам. Собака нашла себе нового хозяина.

Во время XVI Олимпийских игр, проходивших в Мельбурне, около советских спортсменов вертелся какой-то обрюзгий, лысый человек, именовавший себя «русским консулом». Он распространял вокруг себя запах водочного перегара и выкрикивал антисоветские бредни. Это был Игорь Сахаров.

Жалка и омерзительная судьба этих и им подобных людей. Но кое-где на Западе у сахаровых находят еще благодетели. Видно, укоря прошлого не всем пошел впрок...

ОТ АВТОРА

В основу этого повествования легли воспоминания С. Шмуглевского, Е. Нефедовой (Кленовской), М. Макаренко, В. Бугаевой, В. Букатиц, а также материалы, собранные работником Минского музея Отечественной войны Г. Абраменко.

Однако я далек от мысли, что рассказал обо всем, что произошло в Осинторфе в те тревожные дни. Думается, что это благородная задача историков, кропотливо восстанавливающих страницы героической борьбы белорусского подполья.

Осинторф — Москва.

Памяти героев, погибших в боях за освобождение Осинторфа.



АКЦИОНЕР

ОЧЕРК

Библиотека американского конгресса просила distinguishedного доктора технических наук, доцента, заместителя директора известного института господина Мамедлашу Кулизаде подписать ее на редактируемый им журнал «Нефть и газ». Господин редактор ответил согласием. И США стали двадцать второй по счету страной, получающей всеосознанный ежемесячный журнал, выходящий в Баку. Затем число подписчиков журнала пополнилось семидесятью нефтяными компаниями и научно-исследовательскими институтами Америки. Это событие, само по себе не столь уж значительное, возможно, и не заслуживало бы такого внимания, если бы не одно обстоятельство. Американские нефтяники, конечно, никак не подозревали, что редактор Кулизаде — старший сын того малоротного бурьилщика Уста-Пира Кулиева, который в свое время работал на многих промыслах Союзинных Штатах и которого усердно просили, так отстася.

Как попал Уста-Пир Кулиев за океан? В Центральном архиве «Аз-Нефть» сохранились документы о группе буровиков из Азербайджана, проходивших в 1926 году практику на американских промыслах.

Отзыв советских внешнеотроговых организаций о сураханском буровом мастере настолько интересен, что мы приводим его почти полностью:

«Сейчас же по приезде в Америку он был устроен на подрядное бурение на Сигналл Хилл. Закончил одну буровую, и предложение предлагать ему вообще остаться у него, хотя своих буровиков в Калифорнии избыток. Оттуда был направлен на промыслы в Торренс, потом в горы, в лагерь Санта Пола, за девятью километрами от Лос-Анжелоса. Около двух месяцев прозвел на промыслах Мидвест Райфайер на канатном бурении с электромотором. Был и в Оклахома. Осенью, в суровую зиму так усердно работал, что его как пример показывали американцам».

То, что мы расскажем дальше, не нашло отражения в официальном документе, но об этом со слов отца хорошо знают дети Уста-Пира.

Хозяева фирмы предлагали бакинскому рабочему стать держателем некоторого количества акций.

— Знаем! — ответил им Уста-Пир. — Я и так богат. Мои акции — это все бакинские промыслы.

В тот самый год, когда бакинский буровой мастер проходил практику в Соединенных Штатах, самому старшему из его сыновей, Мамедлашу, было всего двенадцать лет. От дома в Сураханах до ближайшей вышки было рукой подать. И мальчик вместе с братом, девятилетним Исрафилом, весь день играл среди скаканин.

Любопытные и дотошные ребята часами стояли у близкой от дома скважины, где знакомые рабочие и какие-то приехавшие люди в плащах и капках мудрили над новенькими машинами. Говорили, что идет прохода, но к устью скважины не спускались — рванули и не кружились, улаявая трубу, ствол ротора. Откуда было знать мальчишкам, что в Сураханах впервые в мире испытывается турбинное бурение, с которым они в будущем сэвзут свою жизнь!

Не могли братья и думать, что владелец одной из солидных американских компаний, где работали отец и его товарищи, прибудет в Советскую страну приобретать детские бакинских нефтяников — турбобуры.

Уста-Пир привез с собой из-за океана два толстых альбома со снимками и открытками. Сураханские рабочие, заходящие в гости к отцу, осторожно перерывали листы, дивились небоскрегам и агавам, цокали языками, разглядывая высотные нефтеперегонные установки.

Вскоре после возвращения Кулиева назначили управляющим которой разведочного бурения, в Баби-Занни, на берегу Куры. Иногда брал с собой Мамедлашу и Исрафила — к старшим детям глава семьи относился, как к взрослым. Наверное, потому, что он сам тринадцатилетним мальчишкой уже зарабатывал себе на кусок хлеба, помогая семье скважины-колоды в Балаханах и Сабунях.

В одну из таких поездок мальчишки впервые услышали из уст отца не совсем понятное слово «платформа». Оно значило — торчало на неглубоком загончике. Потом о платформе им говорили в школе. «Дашь пять а четырь» — кричали с трибуны бурьилщи-

Мамедлаша и Исрафил не сомневались, что они, как и отец, будут буровиками. Но вот старший сын тогда заявление в техникум — группе бурьилщиков свободных мест не оказалось, и его зачислили в группу химиков-нефтеперегонщиков.

— У тебя есть вес. Скажи одно слово — и мальчишку переведут», — посоветовал кто-то отцу.

Уста-Пир рассмеялся: — Не по-рабочему говоришь! Уважением не спекулируют, как акциями.

Он все не мог забыть о том, что ему пытались внушить владельцы калифорнийской фирмы.

А домашним объявил: пусть Мамедлаша идет на химический, перерабатывает нефть тоже очень нужно. Ну, а если у парня действительно душа лежит к бурению, то он все равно найдет дорогу к буровым.

Удивительно переплелись судьбы старших сыновей Уста-Пира. Подобно Мамедлашу, Исрафил тоже не попал на нефтепромысловый, а учился в группе механиков. Отец по-прежнему при малейшей возможности брал их с собой на новые месторождения. Только теперь буровые работы широким фронтом велись поближе к Сураханам: аступали в строй промыслы в Калах и Бинах. Отца выдавали заместителем управляющего трестом.

Как и в чем не было, он заводит с юношами разговор о проходах, чертил на бумаге схему глубокой буровой, пояснял, как был достигнут рекорд скорости, объявлял соревнования в учебе и почти всегда одерживал верх (Уста-Пир вечерами занимался в промышленной академии). Если отец не приходил в ночной дом, то сыновья знали, что на какой-то из буровых тяжелое осложнение или авария и заместитель управляющего вместо бурьилщика стоит у торсионной ручки лебедки.

Трижды прав был Уста-Пир, когда утверждал, что человек, если захочет, найдет свою звезду. Поработав недолго техником, Мамедлаша поступил на нефтепромысловый факультет института. Через несколько лет туда же пришел Исрафил. Затем оба оставили на год учебу: бурно развивался промысел в Кала, и там требовались молодые специалисты. Один из братьев Кулиевых участвовал в проходке скважины, другой готовил глинистый раствор, без которого долото не поведешь аглубь.

С дипломом инженера пришел Мамедлаша в Кара-Чукур.

— Вот ты и буровой мастер», — поощлял его скупой на ласку отец.



Профессор Мамедлаша Кулизаде.

Уста-Пир дал сыну дома последние наставления, но на буровую площадку не поехал ни в первый день прохода, ни тогда, когда у бригады Мамедлаша сломались на глубине инструмент.

— На поводке его не воили и дальше не собираюсь! — жестко сказал он жене.

Из скважины — первенца Мамедлаша — ударил нефтяной фонтан. Выросший среди вышек, с малых лет дышавший воздухом промыслов, он наблюдал фонтаны куда мощнее и величественнее. Но этот вызвал особенное, ни с чем не сравнимое чувство. Брызги темной и липкой жидкости ложились на лицо, волосы, одежду, от газа спирало дыхание. И все-таки не хотелось уходить отсюда.

В первый день войны Мамедлаша ушел на фронт. И надо же было, чтобы год спустя в его зенитно-артиллерийский дивизион попал и брат Исрафил — инженер-буровик. Вместо прощанья по дорогам войны от Северного Кавказа до Украины, сражались в Польше и кончили войну в Чехославии. Получая фронтовые письма, Уста-Пир прежде всего смотрел, где ли подписи стоят под сматым, пахнущим табаком и гарью листком, и облегченно вздыхал.

В конце войны братья больше говорили о буровых и разведках, чем о сражениях. Понимая, как это важно знать Мамедлаше и Исрафилу, Уста-Пир сообщал им, что бакинские буровики в преддверии близкого мира начали разведку на море, и куда шире, чем прежде, используют турбобуры. Умалчивая лишь о том, что буровики на промыслах не хватает и он, несмотря на годы, часто подмывает буровых мастеров.

В одном вагоне вернулись Мамедлаша и Исрафил с фронта. Встретили их старик отец, младший брат, Данил, сестры.

У макета новой глубоководной плавающей буровой Исрафил Кулиев — один из ее авторов.



— Валида тоже будет нефтяником, учится на инженера-технолога.

— Зулейха кончила медицинский...

— Данил без пяти минут историк...представил их Уста-Пирю.

— Мы будем и работать и учиться,— сказали отцу фронтовики.

Турбобур совершал победное шествие по промыслам и разведкам. Друг Уста-Пирю мастер Ага Нейматулла первым провел скважину из долины под высокую Баилоскую гору. Дистиллятиями бурлящими плеще огня боялись малейшей кривизны в вертикальном стволе буровой, а тут долото уходило наклонно в любую сторону. Новый метод, совершивший переворот в пролодке скважин, еще ждал своих исследователей и теоретиков.

Мамедпаша и Исрафил решили работать в наклонно направленном бурении. Один изучал отклоняющую силу при пролодке, другой — изменение направления. В тот самый год, когда престарелый Уста-Пирю ушел на пенсию, старший сын защищал кандидатскую диссертацию. А вскоре со

званием кандидата наук поздравляли и Исрафила.

Потех пор миновало десять лет. Умер родоначальник династии нефтяников Уста-Пирю Кулиев, к которому до последнего дня заглядывали за советом и помощью старые и молодые буровики. По установившейся традиции, каждый месяц собираются все члены семьи у Мамедпашы. Скорее всего потому, что он старший из сыновей и живет в том же доме, где на склоне своих лет жил отец. Приходят доктор технических наук Исрафил Кулиев, кандидат исторических наук Данил Кулиев, старший инженер Научно-исследовательского института нефтехимических процессов Валида Кулиева, врач Зулейха.

Если бы не Зулейха, разговоры их шли чаще всего вокруг нефти. Ведь даже выпускник исторического факультета МГУ Данил писал диссертацию на тему «Партийная организация Баку в борьбе за нефть» и считает себя прямым наследником буровика Уста-Пирю.

Новостей у Кулиевых всегда много. То вернулся из Чехословакии Исрафил, где он занялся с постановкой научной работы, то

делится своими впечатлениями о Брюссельской выставке Мамедпаша. Оставшись верным своей генеральной теме, он недавно выпустил фундаментальный труд «Турбинное бурение наклонных скважин». Большую работу в Азербайджанском институте нефти и химии он совмещает с редактированием журнала «Нефть и газ».

Исрафил — натура увлекающаяся, кипучая. Немало сделав в турбинном бурении, он с головой окунулся в заманчивый и беспокойный мир строительства нефтяных скважин на Каспии. Из опубликованных им пятидесяти научных трудов едва ли не большинство посвящено морю. Его часто видят на эстакадах и стальных островах в открытом море, где Исрафил вместе с другими учеными и конструкторами из института «Гипроморнефть» испытывает новые сооружения и механизмы.

Когда Мамедпаша и Исрафил были еще школьниками, отец, любивший помечтать, рассказывал им о корабле, с которого люди будут бурить одну за другой скважины в богатом нефтью море. Это была чудесная сказка.

Прошли годы, и на долю Исрафила выпало счастье сделать ее былью. В сотрудничестве с инженерами М. Исламовым, Б. Третьяковым и Я. Шкапенюком он создал плавучее основание с вышкой и буровым комплектом, которое легко бороздит воды Каспия, срывается в намеренном месте с дном и позволяет в любую погоду вторгаться в недра.

Младшая сестра Валида пришла в науку, оставив позади тысячи напряженных вахт на молодежной кренкинг-установке. Бригадир-новатор нефтеперерабатывающего завода в прошлом, она и сейчас вся устремлена в поиски.

И если возникает за столом Кулиевых жаркий спор, когда резко расходятся мнения, перед ними неизменно встает образ отца:

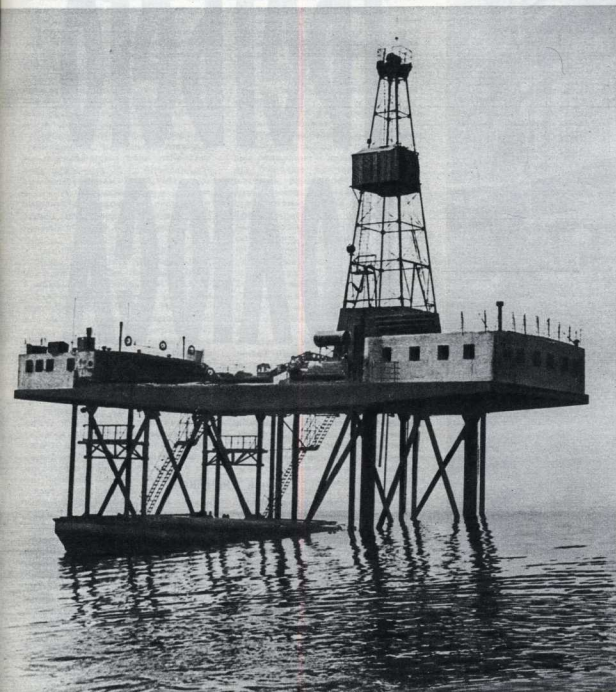
— А что сказал бы по этому поводу Уста-Пирю!

Нет, не деньги оставил в наследство старый бакинских рабочих-нефтяник, а самый ценный из всех капиталов. Его акции — поколение победителей и создателей.

Л. ПОЛОНСКИЙ

г. Баку.

Фото И. Когама.

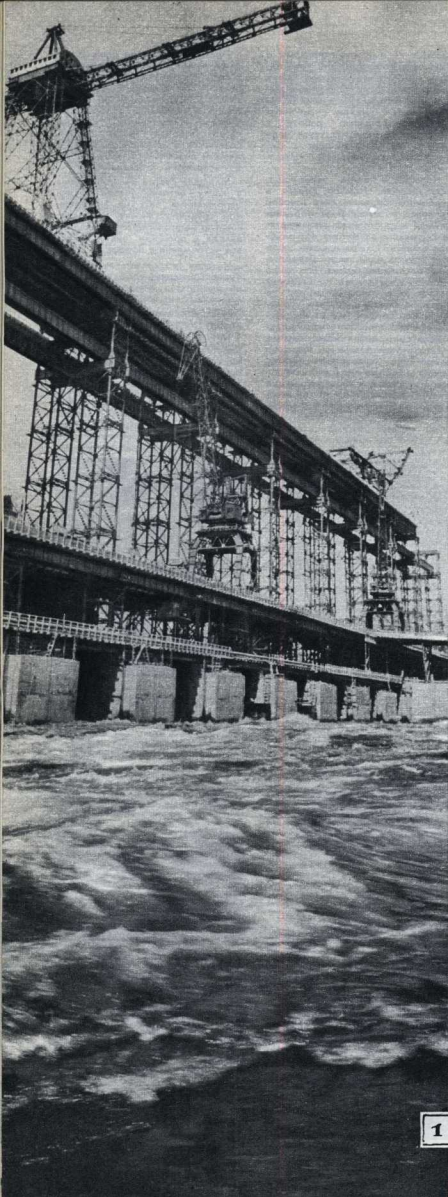


Кандидат исторических наук
Данил Кулиев.

Вот она, плавучая буровая!

Валида Кулиева — старший инженер Научно-исследовательского института нефтехимических процессов Академии наук Азербайджана.





СССР
1960

ЛЮДИ ТРЕТЬЕГО ПОЛУСЯ

Фото Н. Шилова.

Евгений РЯБЧИКОВ

Недавно иностранные специалисты, обозреватели и кинематографисты открыли на земле новый полюс — полюс строительства. По их мнению, он находится в сибирском городе Братске, на Ангаре.

Определение довольно точное. Действительно, в Братске сплелось все новое, передовое, что характеризует великую эпоху строительства коммунизма. Здесь широко представлена мощная советская техника, научные открытия, смелая мысль проектировщиков. Но самое замечательное в Братске — это энтузиасты-строители, люди,

несущие в себе драгоценные черты коммунистического завтра.

Уже само решение строить сверхмощную гидроэлектрическую станцию на бешеной, неистовой «царь-реке» является подлинно новаторским. На такой воистину смелый шаг можно было решиться только теперь, в результате победы социализма, когда высочайшего уровня достигли советские наука и техника, когда в стране выросло и закалилось замечательное поколение — поколение победителей космоса.

В первые годы электрификации страны, во времена осуществления

исторического плана ГОЗПРО, советские гидротехники лишь бросали жадные взгляды на Восток, в Сибирь, просматривая сквозь туман тайных чая, за неведомыми горами, в клетке беженной реки такое энергетическое богатство, такой размах будущей стройки, что нимало это казалось фантастикой, несбыточной утопией.

Строится Волжская ГЭС, строится Шатура, Кашира, строится торфяная Нижегородская ГРЭС, страна познавала реальность «электрических утопий» Ленина, о которых так восторженно говорил Герберт Уэллс. И уже решительные заглядывали ученые и техники в будущее энергетик — на Ангару.

С 1924 года началось настоящее изучение проблем «кося Сибири» — Ангары. На ее скалистых берегах, в сопках и распадах появились исследователи с полосатыми рейками и «вертушками» в руках. Жить им приходилось в палатках и землянках, передевались они в лучшем случае на лодке, а то и просто на срубленном плоту или свале — торолупе связанных бревнах. Их одолевали комары и гнус, поламили дожди, обмангло солнце. Но только сходили с ревом и гулом тяжелые льды, только освобождалась Ангара от зимних пут, как на ее берегах снова и снова возобновлялись работы.

Даже по смутным, сделанным «на глазок» дореволюционным расчетам, энергетические запасы Ангары определялись в колоссальном объеме. Но когда реку стали внимательно и всесторонне исследовать, открылись также ее возможности, о которых прежде не могли даже и догадываться.

Каждое драгоценное сведение о таинственной, окутанной легендами и сказаниями реке отправлялось академику И. Г. Александрову, профессорам В. М. Малышеву, Н. Н. Колосовскому и другим энтузиастам освоения Ангары, которые занимались расчетами, поисками створов для будущих плотин.

Параллельно с исследованиями грунтов, движения водных масс, климата изучались экономические проблемы Приангарья и Прибайкалья, велась упорная разведка недр Восточной Сибири. Надо было иметь точное представление, куда подавать электрическую энергию, где строить заводы и рудники, где закладывать города.

Страна уже воздвигла на месте гремучего порога Неиссячещей величайшую в Европе Днепровскую ГЭС имени В. И. Ленина. Но чтобы почувствовать достаточно сил, опыта и знаний для выхода на ангарский створ, потребовалась большая и долгий путь через верхневолжские гиганты, через многочисленные станции на Саях и реках Кавказа, Алтая, Средней Азии, через такие исполины, как гидроцентрали в Жигулях, на Оби и Каме.

Наконец свершилось! Партия дала наказ строителям — идти на Ангару, побеждать ее стремнины, обуздывать грохочущий поток и превращать его в электрическую энергию.

Нет ныне ни островов Шаманских камней, о которых ходило столько сказок, ни горных теснин, сжимавших холодный ангарский поток, ни гонимой волны, разгоняемой шумными гальками, — насыпанная из гальки уникальная плотина Иркутской ГЭС остановила Ангару в ее верховьях, и от Иркут-

ска до Байкала раскинулось «рукотворное море», созданное советским человеком.

Но Иркутская ГЭС — лишь первая ступень великого Ангарского каскада, первая схватка народа с могучей природой Восточной Сибири. Венцом грандиозного штурма природы сейчас является Братская ГЭС.

Величайшая мощность. Величайшие турбины. Величайшая плотина. Величайшие машины. Величайшие промышленные комбинаты, уже вызванные к жизни энергетическими сердцами Сибири. Таковы масштабы. Таков мост в будущее.

«Строители Братской гидроэлектростанции совершают героический подвиг», — сказал товарищ Хрущев на Всесоюзном совещании по энергетическому строительству. Эту же мысль Никита Сергеевич Хрущев выразил и на митинге строителей Братской ГЭС.

Коллектив героев-строителей является чудесной славой характеров, судьбы, сил, воли, надежды, счастья и радости совсем молодых людей и ветеранов советских строек. Здесь, в Братске, завоевала всеобщее признание комсомольско-белоглазница Валентина Жаркая, о которой так тепло говорил Никита Сергеевич:

«Посмотришь на нее — хрупкая девушка, а для бетона, казалось бы, нужны силыны, христые люди. Но машинная техника, автоматизация производства дают возможность рассчитывать не на мускульную силу, а на умственную деятельность...»

И далее Никита Сергеевич заметил:

«Приятно и радостно смотреть на таких рабочих...»

После демобилизации из Советской Армии в Братск прибыли целые отделения и даже целые взводы бывалых воинов — танкистов, моряков, авиаторов, саперов, «пограничников», пожелавших стать строителями гиганта энергетик. В Братск приехали и целые школьные классы — из Черемшана, из других сел и городов. Окончив школу, юноши и девушки добровольно двинулись в Братск со своими учителями строить ГЭС и строить свою жизнь.

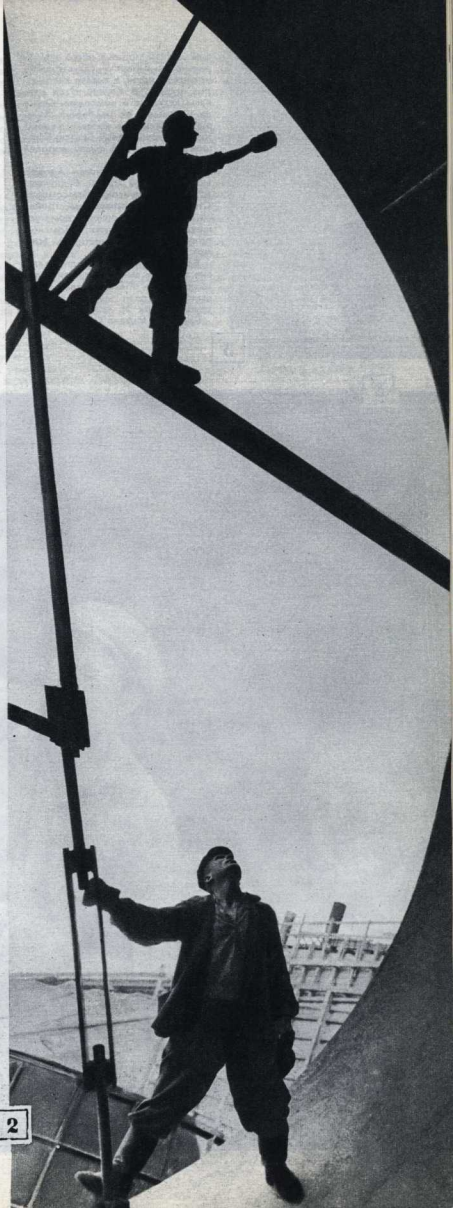
Сегодня в Братск идет «большой бетон». В истории каждой стройки — это волнующая, страдная пора.

Бетоном живет Братск. Но он живет и широко развернувшимися монтажными работами. Бригады Ильи Калинин и звено Ивана Дуванчина собрали на железобетонном опорном конусе статор первого агрегата. Статор так огромен, что через его кольцо могут свободно пройти в ряд три грузовика, и весит он 70 тонн. А всю сборку монтажные провели за 8 часов. Теперь уже создана основа для самой мощной в мире радиально-осевой турбины в 250 тысяч киловатт.

Ангара перекрывается. Сталь, бетон и камень одолевает ее могучий напор. По утрам, когда с реки поднимается осенний туман, взору открывается широкая панорама величайшей стройки [снимок 1].

Вы видите смонтированную огромную стальную трубу, по которой ринется ангарский поток к турбине. Сегодня здесь трудятся комсомольцы-монтажники, а скоро заберут холодная байкальская вода [снимок 2].

Ила Валейкич — сибирячка; от Братска до родного ей Канска рукой подать. Правда, мы гово-





рим «рукой подать» чисто фигурально, по-сибирски, где сто километров не крюк, а тысяча километров рядом. В Канске Нэла училась, вступила в комсомол. Отсюда направили ее на берега Ангары. Вaleyчнк со своими сверстниками строят новый Братск, большой город на сто тысяч жителей [снимок 3].

Вот они, покорители Ангары, люди пылливой мысли, будничных трудовых подвигов... Комсомолец Степан Коваль пришел на стройку из армии, здесь он стал арматурщиком, заочно учится в Томском политехническом институте [снимок 4].

Бригада Омшина сегодня рада: она с честью выполняет свои пред-октябрьские обязательства, пере-выполняет план монтажа гидро-труб [снимок 5]. Бригадир Михаил Омшин—опыт-

ный монтажник, он работал на строительстве Саярской, Камской и Волжской имени В. И. Ленина ГЭС в Жигулях. Демобилизован-ным вонкам Якову Булатову, Алек-сею Григорьеву, Борису Кирееву, Ивану Ковалеву пришла по ду-ше работа монтажников, да еще под руководством такого бывалого мастера, как Омшин.

Все шире, все смелее шагает Братск в тайгу и сопки. От строи-тельного полюса во все стороны расходятся просеки высоковольт-ных электрических передач и до-роги, на огромной площади ра-стут промышленные комбинаты и поселки.

Героические подвиги молодых патриотов на полюсе строи-тельства олицетворяют тот огромный подъем, те победы в труде, кото-рым встречают советские люди Великий Октябрь.



3

4

5





большоголова Полтурский и выразительно пщивала пальцами у висков. — Ссорбжажнщ?

— Пока нет. Не сразу дается, — привнес моторист. — Но погоди, одолею эту премаурость!

Кости откинул туловище, села и зюнула.

— Как погода? — крикнул со свистом спросил он.

— Кажись, стихает, — бодро ответил Митроша и предложил: — Поужинай, старшина. Ушлица на саву удалась.

...Утро выдалось свежее, тихое, ясное. Мороз крепко сковал заливы. Вода в реке казалась черной и густой, как деготь. Большие островки продавливали льдины. За ночь их стало значительно больше. Кости постукал пешней о лед и безбоязненно прыгнул за борт. Заметив у ватерлинии глубокую овальную вмятину, он усмехнулся и покачал головой.

— Тащи топори и пешни! — скомацдовал Кости. — Вырубаться будем.

Рыбятя с «Люрки» и рабочие с баржи дружно взялись за дело. Вскоре узкий канал протиснулся до чистой воды. Стоялников отъезжал веревкой и небрежно бросил ее на кормовую решетку.

Катор осторожно двинулся вперед. И вдруг мотор странно заурчал, и «Люрка» остановилась. Кости нетерпеливо повоевал ручкой машинного телеграфа и поставил ее на «Малый». Катор судорожно дернулся, но с места не тронулся.

— Чего он там фокусничает!

Кости высутился из штурвала, увидел Егорупина и по его расстроенному лицу догадался, что случилось что-то экстраординарное.

— Витт не прокуривается! — выдохнула моторист.

Стоялников глянул на корму и обомлел. Веревка с решетки исчезла...

— Я, однако, сплываю! — выдала он из себя; его била нервная дрожь. И в нескольких словах он объяснял, что произошло.

— Кабы не повичок, повалил бы я тебя! — прошептала Кости и выскочила из штурвала.

— Назад, отработай! Бором ее, проклятую, поштымаешь шепетит! — посвистывала Митроша.

Дизель звел так, что казалось, его стальное тело не выдержит и разлетится на куски. «Люрка» проползла немного назад и опять оста-

новилась. Вода в канале покрывалась тонкой пленкой льда. Катор держался то взад, то вперед, но вал не рванулся.

Кости приподнял одну бровь и в упор глянул на Стоялников.

— Развал! Лезь теперь в воду!

— Ниче с-с-смор! — замялся, ответил Еремей. — У меня с-судорога но-ноги с-сводит.

Рыбятя, избегая смотреть друг на друга, подавленно молчали.

— Трусом еще меня при всех оскорбил! — зло подумал Егорупин, потянувшись на старшину, но взгляд его сразу же прояснился.

— А, провалился весь земзя, я на бочке прожужу!

Гоша топнул ногой и скрылся в машинном отделении. Через минуту он появился с острым охотничьим ножом.

— Под мышку веревкой подвяжите! — потребовал он и предупредил: — Крикну, сразу тыгнот. Дух захватить может.

Он зажал в зубок нож и решительно оттолкнулся от кормы. Раздробленные льдинки, стукнулись друг о друга, комкнулись над его головой. Рыбятя затаили дыхание. Сиглы доносились бульканье, сопенье, фырканье. Потом раздались крики:

— Тащи!

Кости, Митроша и Подурский ухватились за скользящий конец веревки.

— Немногого стало! — прокричал Егорупин.

Лицо у него сморщилось, поспинело. Волосы смерзались. Он лихорадочно дрожал.

— Совсем немного осталось, — с усилием произнес Гоша, припавшая и обхватив бока руками.

— Живю в кубрик! — подтолкнула его Кости. — Вани, пососи!

Сгорбленный, жвавшийся в комок моторист выглядел маленьким, беспомощным.

— У меня в тумбочке спирт есть! — крикнула водоизку старшина. — Налей ему стопку! Разведи и укутай поплотнее!

Он глубоко вздохнул и боком, медленно плынул в воду. Вскоре на корме, изогнувшись змейкой, повис изжаренный витом обрывок веревки. За ним повисла второй, третий.

— Заводи! — обрадованно завопила снизу Кости.

Его, словно большую, неповоротливую рыбину, вытолкали из воды.

Через несколько минут «Люрка» полным ходом шла по реке, поднимая под собой мелкую рябь, вышиская замасловатые зыбиги, когда приходилось обить смерзшиеся ледяные поля. За катором послушно тянулось пузатое обшарпанная «Белуха».

На носу встопачно дежурила Ваня Полтурский и Стоялников. «Люрка» смело шла, а разведья Ариновой протоки, таранила ледяные перемычки. Матрос и Еремей ожесточенно орудовали баграми.

Если вперед возникала пробка, через которую не пробьешься, далав, гашуши и в чередно ждали, когда протретау прожет. Раз Кости недогадала, и «Белуха» заклинилась между льдинами. Это было страшно. Стоит льдины сдвинуться, и баржа хрустнет, как утиное яйцо. К счастью, все обошлось благополучно. Лед разошелся.

К участку Табастах пробились в полдень. Небо прояснилось, засияло сплюснутые рефракцией большие, по зимнему тусклое солнце. Оно висело у самого горизонта, словно полудитесь выше не хватало силы. На островах уже выпал снег, и белая целина искрилась.

«Люрка» ждала. В приаве к скаду пробуривали дорожку. Кости облегченно вздохнула; у него появилось ощущение, будто он скинул с плеч громадную мексиканскую одажку. На леду залпы собрались почти все население промысла. Люди приветственно махали шапками, что-то кричали.

У входа в канал с «Белухи» отцепили буксир, а за лед выбросили канаты. Их немедленно подхватили рыбаки и дружно, как они привыкли тягивать невод, потянули баржу к берегу.

Катор причалил к корме припая. Мотор не гашушил. На борт поднимая заведующий промыслом Сербриков. С его появлением в штурвале стало тесно.

— А мы уж закручинились! — улабляясь, сказал он простуженным басом и одновременно стиснула руки Кости и Митроши своими широкими ладонями. — Давалам же, что застрял где-нибудь, как «Буря». Ну, спасибо вам, ребята! От всего сердца спасибо!

— За что благодарить-то! — грубовато ответил Кости и наступил. — Задание выполнили! — и точил! Вообще-то словно пришлось, да теперь уж это не в счет. Вот назад сумеем ли выехать...

Через полчаса «Люрка» отчалила в обратный рейс.

— Вылезли из своей «черепашки» все ее сто семидесят пять аюндайных, — попросила Кости, выскочившая из машинного локом. Поняв голос, что никто не слышал, он добавил: — Ты прости меня, Гоша. Расквитаться я тогда. Ведь и у меня на душе не сладко было...

— Сделал! — прошептала Егорупин и махнула рукой. — Чего там. Прав ты был. Я знала, другой бы захныкал — ничего бы путного не получилось!

Купание не прошло для моториста бесследно. Он говорил глупым шепотом, канал с каналом то касался, то протискивался. Кости поминала пальцами Стоялников.

— На во каткушку запустил!.. День-то рождения у меня вчера был, а я и не вспомнил. Не до него было. А вот про тебя не забыл! Дома разговор будет, — сказал он сурово.

Форм Еремея только пошевелил в ответ. Дизель ревел огулительно. От вилта выше кормы повис бурун. Вспарывая форштевень воду, «Люрка» несся вверх по реке. Иногда Кости не успевала отворачивать, и подергивались льдины, как пустая раковина, разламывалась на куски.

Со стороны «Люрки» сейчас нисколько не походило на красавицу, каким он выглядел летом. Мачта и растяжки стали томатыми ото льда и мехамати от янса. На штурвале на машинном отделении бурные натегами намерз лед. Вдоль бортов висела бахрома из со-сулек.

Поскок давно скрылся за мысом. На носу, возмужевшие баграми, стояли Ваня, Митроша и Еремей. Доберутся они до рыбобода или нет — кто его знает? Но задание выполнено, а это — главное.

— Не может быть! — озорно крикнула Кости. — На рыбобовд всеко проскомим. Держись, ребята!

И его крепкие с золотистыми пятнышками руки легли на штурвал.

ЛЕВ, НАСЛЕДНИК «ТИГРА»

Яшин? Пожалуй, нет. И можно считать, что десять лет назад его повелю: тренер — брадид Иванкоич Черичаши приметил вратаря одной из армейских команд и взял его в московское «Динамо». Все остальное зависело от самого Яшина.

И вот у знаменитого «Тигра» — Алексея Хомича — появился ученик — длинный, худой паренек с угловатыми движениями. Два вратаря стали тренироваться вместе. Младший старался все перенять у старшего, бывал у него дома, ловил каждое замечание. Старший ничего не утаивал. Вме-

сте они разбирали ошибки друг друга, вместе терпели в весе по четыре килограмма за тренировку... Младший же верил в свои силы, но страстно хотел стать настоящим вратарем и готов был два-три часа повторять однообразные упражнения. Старший оценил это. Наконец младший начал делать успехи, но не останавлился от этого заочничать. С тем большей охотой продолжал передавать свой опыт старший! На очереди стояли оны в тренировочных воротах, выдерживая на протяжении трехминутных «разрядов», в течение которых пять нападающих тремя мячами беспрепятственно бьют по голу. Сможет вратарь парировать пятнадцать ударов из двадцати — норма, не сможет — значит, сегодня не в форме. Падали до двухсот раз за тренировку. Нападающие учили младшего ловить мяч: если тот бьет им в ноги, без жалости «растравливали» с пяти метров!..

У каждого человека есть свой «конек». Именно на таком «коньке» он скорее всего достигнет вершинства. Однако далеко не всегда удается узнать, в чем твое призвание. Подчас лишь случай помогает человеку найти себя. Так произошло и с Яшиным. Правда, еще с детства любил он стоять в воротах и из него все равно вышел бы неплохой вратарь, но, конечно, не такой, каким мы его знаем. Помог случай: много лет назад, еще до времени службы в армии, довелось Лёву увидеть болгарского вратаря Соколова, игра которого была целиком построена на выходах из ворот. Это был как бы толчок. Под влиянием, почти не рассуждая, Лев сразу понял, что создан именно для такой тактики, что он должен играть так. Не только так, но и так!

Чувства не обманули Льва. Но когда молодой вратарь, он дражал. Соседи и сослуживцы были плачевными. Плачевными в полном смысле слова: Лев плакал. Еще бы, в первом же матче за основной состав вратарь провинился: забил ему гол! Пусть матч был товарищеский — со сталинградским «Торпедо». Это не считалось ошибкой. После той памятной игры стало ясно: одной техники и тактики мало. Надо иметь хорошую физическую подготовку, научиться вести себя на поле, перед зрителями.

Да, были слезы, было отчаяние. После трех лет игры в динамовском дубле были насмешливые крики зрителей: «Не скажи, как бжох!» И еще что-то в этом роде. Болельщики, привывшие видеть Хомича только во вратарской площадке, не сразу признавали новую тактику! И именно тогда под перья, пускаясь недолговыми криками зрителей понаблюдающему и родился вратарь Лев Яшин. Лев сменил «Тигра».

Закрепившись в основном составе «Динамо», Лев не пропустил ни одной игры первенства, считая, что лучшей тренировкой является настоящий матч. И с каждой новой игрой набирал опыта. А насколько ценным и необходимым может быть накопленный опыт, показала олимпийский турнир в Мельбурне, на который Лев Яшин был вызван как первый вратарь сборной команды Советского Союза. Ушел он с командой в матчи СССР — Индонезия. Советские футболисты никак не могли пробить «бетон» противника. Счет был 0:0. И вдруг за три минуты желтого футбольного мяча нападающих индонезийцев выходит один на один с Яшиным. Стадион оцепенел. Чьи-то сердца сжались в шепот, другие радостно екнули. Что предпримет вратарь? И Лев в трудной обстановке выбрал верный план: оставил ворота, выбежал далеко за пределы штрафной площадки и, на какое-то мгновение опередив противника, ударил по мячу ногой!..

Не менее ответственным испытанием был для Яшина футбольный чемпионат мира в Швеции. Это была проверка техники, тактики, силы воли. Лев был на голубом стадионе «Нью Удвал», Яшин сиял мяч с ноги центральной нападающего сборной Англии Кевана, но его бутса угодили в лицо вратарю. Нокау? Сбежали игроки, судьи, врачи. Смог ли голкипер продолжать игру? Ведь по правилам чемпионата замена не разрешена... И через несколько минут Яшин вновь занял свое место. Как складывалась потом игра, что происходило на поле, он не помнил, даглас бесконечно... А уже в раздевалке, сняв бутсы и гетры, неожиданно спросил у товарищей, с какими номером окончился матч. Один из британских журналистов писал тогда, что русский вратарь является величайшим голкипером мира, которого можно сравнить только с «божественным» Заморой.

И, наконец, триумф — Кубок

Европы! Но прежде чем рассказать о новом спортивном подвиге Яшина, небесносподобно сделать небольшое отступление.

Сборная страны в полную силу готовилась к финальным матчам во Франции. Отрабатывались тактические варианты, каждый футболист стремился обогнать наилучшую спортивную форму. А Лева? С ним что-то случилось. Он как-то вдруг потерялся, сбился с игры, и внимательные футболисты сразу отметили его неуверенность в последних календарных матчах перенеста.

Время не ждал! Все больше и больше газетных строк уделялось Кубку Европы. О чем бы ни разговаривали футболисты, на ум было одно. Стоит ли говорить, как действовало это на Яшина? Нервы, взвинченные последними неудачами, оказались на пределе. И вот в последнем матче он не выдержал и допустил грубейшую ошибку. Судья зафиксировал гол в воротах. Лева был не до красок природы. Он ждал, боялся, волновался... И надеялся.

В последний тренировка не принесла облегчения. Тренер Гавриил Дмитриевич Качалин вновь и вновь приходил за воротами, умолял:

— Лева, улади! Ну, улади же! Но вратарь не мог сделать бросок. Наступил «кризис нервов».

И все же Лев Яшин вышел на поле марсельского стадиона. «Чехи играют в футбол не хуже, чем французские!» И перед матчем никто не ругался бы, предсказав, какая из команд ближе к победе. Теперь, когда аккредитованные футболисты встали в линию, Лев Яшин был 3:0, это ни в коем случае не означает, что советские футболисты были в три раза сильнее противников. Нет, силы были равны. Выиграть мог любой из команд. Ушел на второй минуте произошел трагический случай, коренным образом повлиявший на ход матча. К воротам Яшина рванулся Бубин. Повздал Маскенин и Кручинко. Перед форвардом только голкипер. Еще не успев как следует прицелиться к воротам, Лев увидел перед собой чехословацкого нападающего. Сразу пришлось отодать все. И вратарь своевременно вышел вперед и, что называется, зубами выцудил, казалось бы, мертвый мяч!

Стадион изумленно ахнул. Это был кульминационный момент матча. Знал ли Бубин, что и игра могла бы пойти по-иному.

Самостоятельность вратаря в подборе команды, подтянутого каждого игрока. А сам Яшин снова черпнул всю его неуверенность... Слава пришла быстрее курьерского поезда. Когда наша сборная вышла на разминку перед финальным матчем, парижский стадион «Парк де Пренс» скандировал:

— Яшин!.. Яшин!..

Югославы все бросили на карту в первом тайме. Их атаки накатывались одна на другую, но, просчитываясь, сбили Яшина обочины, разбивались о наш последний бастион. Не будет преувеличением охарактеризовать первые 45 минут матча так: «Яшин, снова Яшин и еще раз Яшин!». Со стороны сборной прогнана этот тайм, но окончательная победа уже была в ее руках: югославы истратили все пороки...

По-де-Жансиро. В конце 1957 года этот город небоскрегов, памятников и футбольных встречал московскую команду «Динамо». Мысли почти трехмиллионного населения бразильской столицы вертелись вокруг юного мачи. Экспансивные болельщики жаждали сенсаций. И вот в один из вечеров телевизионная компания Рио пригласила к себе в студию советского вратаря Льва Яшина.

«Сенсации! Болельщики проверяют талант русского вратаря! Три пенальти на экранах телевизора!» — без умолку рекламировала передатчик диктор.

А в это время Яшину предложили надеть динамовскую форму и встать в футбольные ворота, расставленные на большой деревянной сцене. Условия были таковы: три бразильца бьют по одному пенальти, каждый удар оплачивается денежной премией либо в пользу забившего гола, либо в двойном размере — в пользу вратаря, если гол не забит. Штангал... Выше ворот!.. Мяч отбит!..

И Лева оказался собственником двух с половиной тысяч бразильских крузейро. Советский голкипер тут же, в темноте, передал эти деньги в фонд помощи детям-сиротам и тем самым вызвал удивление и восхищение жителей Рио.

А потом, после южноамериканского турне, радио и газеты той родины футбола оповестили весь мир о том, что Яшин действительно первоклассный вратарь!

Почетно, но трудно заслужить такую ода. Но не только не достигших на крыльях таланта. Годы тренировок — вот путь к ней.

...Знал ли это раньше Лев Яшин?

Фота А. Вочинина.



Рисунок В. Михайлова

(Окончание. Начало см. в «Смене» №№ 17, 18, 19)

49 часов 25 минут

ПОНЕДЕЛЬНИК 11.17

Андрейка и Строчак работали одновременно, пробиваясь к колоду, по которому шла лестница, соединившая блок с 218-м кьергалом. Строчак думал, что колоду не можно нес завалить, а если и завалил, так только мажками кусками, а это, в общем-то, и не так страшно. Строчак прислушался к тому, как работает колодом Андрейка, и сказал:

— Ты спокойней бей, а то измотаешься бистром.
— Скорей бы к колоду.
— Тут уж не надо.
— А мне кажется, половины еще нет.
— Нет, совсем немного осталось.
— Может, вкаланим карбиду, посмотрим?
— Не надо, — быстро ответила Строчак, — сейчас не надо.
— Почему?

— Не надо. И так карбида осталось совсем немного. Свет нам еще понравится. А сейчас не надо. Я же говорю: до колоды осталось метров семь, не больше.

— Врешь, Никита, — тихо сказала Ситни, — зачем ты говоришь неправду? До колоды еще очень много. Мы прошли метра два с половиной, а надо пройти пятнадцать.

Ситни говорила медленно. Ему с каждым часом становилось все хуже. Нога распухла и беспрерывно кровоточила. Ситни уже шесть раз терял сознание. Строчак приводил его в чувство тем, что скамью била двумя пальцами по щекам, дух в нос и потом тер ладонями виски.

Каждый раз, как только Ситни теряла сознание, Андрейка начинала работать еще алкохолоднее. Он задыхался и что-то бормотал себе под нос, а это очень сердило Строчака.

— Работай спокойно, — каждый раз, когда Ситни делалось плохо, говорил Строчак. — Не нервничай! Разве можно сейчас нервничать? И Андрейка переставала бормотать себе под нос и работать начинала спокойнее и медленнее.

Но сейчас, когда Ситни сказала, что до спящего колода еще очень далеко, Андрейка совсем перестал добивать маленьким пороку. — Что ты говоришь, гауптсн? — сказала Строчак и боляно ударила Ситни ладонью в ребра. — Что ты говоришь, такое? Осталось совсем немного.

Ситни долго молчала, а потом спросила: — Андрейка, ты что, испугался?

— Я не испугался, — ответил Строчак, — что еще далеко до колода. Еще очень до колода далеко, это я тебе точно говорю.

— У Антона нет детей, — подумала Строчак, — потому он может так поступить с Андрейкой. И он прав. А я не была прав, когда хотела обмануть парня. Но я овец. А все отцы одинаковы. Они все хотят, чтобы их дети не знали ничего плохого. А это, конечно, неправильно. Мы сами создаем неравенство: для нас, отцов, все труднее, а для них, детей, все легче. Вот и получается. А потом дети говорят нам: «Вы лгуны. Все, что вы говорили, на самом деле так. Все куда трудней и сложнее». И они правы, когда так говорят. Ведь мы не приучили их к тому, что и трудности и сложности — это тоже прекрасно и важно, все это складает человека. — Никита Павлович, — спросила Андрейка, — вон Антон говорит, что еще очень далеко до колода.

Строчак ответил: — Возьми карбиду, запаши ее и посмотри

сам. Пожалуйста, Антон прав. Я, по-видимому, ошибся. Так что лучше возьми карбиду и посмотри сам.

Андрейка достала спичечный коробок, вздохнула, повертел его в руках, потом спрятав в карман и снова начала работать, так и не завалив карбидки. Он работал размеренно, не спеша и не задыхался.

— Антон, — окликнула Ситни Строчак, — тебе давно пора жениться и родить детей. Это у тебя вырастут очень хорошие люди.

— Никита Павлович, — спросила Андрейка, работая, — а вврут 218-й кьергал завалил?

Если 218-й кьергал действительно засыпан, тогда все. Тогда помощи вообще ждать некуда. Это понимал Строчак, это понимал Ситни, и это сейчас только понял Андрейка. Ситни и Строчак ни разу не говорили об этом друг с другом. Андрейка, как только подумал, так сразу же спросил.

— Может быть, и завалил, — ответила Строчак, — хотя, в общем-то, нет. Если не ссан завалил, тогда что? Петь молитвы? Или как ты предлагаешь?

Ситни отказалась и сказала: — Это еще не безвыходное положение. Безвыходное положение было у моего старшана, когда его хотели сыграть с егерьской работой.

— Это когда инспектор в патроны сыпал порохов стаканчик?

Нет. То — другое. А этот случай старик никому не рассказывал. Тогда у него действительно безвыходное положение было. Понимаешь, приставал к нему один инспектор, — это давно было, еще лет пятнадцать назад. Ну и устроил начальнику под субботу: знай, чем старика прожить. Начальник сераятны. «Охотничья», — говорит, — охоту, Сылка и, что ты в своем осере все утку понабивал». А утки как на грех нет. Не будет охоты — поконят с егерей. Вот где безвыходное положение! Тут взяла мой старик, отвел начальника в шалаш и по зорьке

После, став футболистом № 1 не только по номеру на футболке, но и по общему признанию, Лев Яшин тренируется так же, как десять лет назад. Перехваты, ловля мяча, броски, якорение, японская винка — выбрасывание мяча руками. Этими и десятками других приемов в совершенстве овладел вратарь. Однако очень часто его можно увидеть и в качестве полевого игрока — это помогает лучше чувствовать игровую ситуацию и потому совершенно необходимо Яшину. Действительно, ведь при такой тактике, которой он пользуется, надо владеть приемами полевого игрока, быстро бегать, быть выносливым, физически сильным. Иначе грош цена его тактике.

Когда смотрят на игру динамовского вратаря с высоты тридцатых этажей в глаза, что буй, сразу бросается в глаза, что он действительно является хозяином своих восемнадцати метров, как образно назвал его кто-то из журналистов. И не только хозяином, но и джирингом своих за-

щитников, которые, слыша за спиной ясные и точные указания, действуют горлодо уверенней.

Ни одна футбольная матч не обходится без дуэли между вратарем и нападающим, дуэли один на один. И можно считать, что немаловажным критерием зрелищности и оптимиста голкипера является его игра именно в этой напряженной момент.

Если понаблюдать, как ведет себя в такой дуэли Яшин, то быстро замечается, что он действует очень продуманно, не колеблется, не метается в растерянности. Например, если один на один выходит Валентин Иванов или Анатолий Ильин, Лев Яшин не бросится им навстречу. Он знает: это бесполезно, потому что такие нападающие хорошо контролируют мяч, видят обстановку и вратаря. Лев будет стоять в воротах и ждать ошибки противника. Но если к воротам прирывается Алуштин, Миншин или Заичев, динамовский вратарь не будет спокойно ждать своей судьбы, он быстро выйдет вперед и постарается воспользоваться

тем, что эти игроки больше заняты мячом, чем обстановкой на поле...

Как познания Яшин-прима? — вот первый вопрос, который услышали москвичи спартакотцы, ступив на южноамериканскую землю. И не только в далекой Бразилии — во всем мире, когда речь заходит о советском футболе, вспоминают имя Яшина. Любители популярнейшей игры хотят держать знаменитого вратаря в поле своего зрения. Они интересуются его прошлым, настоящим, гадают о его будущем.

Но тем, кто близко знает Льва Яшина, не надо строить предположений. Им совершенно ясно, что спортивный путь тридцатилетнего голкипера еще далек от своего завершения, что он еще не раз будет защищать ворота сборной страны от ударов лучших бомбардиров мира.

Как-то в квартире вратаря раздался телефонный звонок. Сотрудники милиции разыскивали мальчика из города Черкас-

сы, который отправлялся в Москву к Льву Яшину. К счастью родителей, юного болельщика вернули домой. Но этот факт еще раз подчеркивает популярность первого голкипера страны. Сотни писем приходится к нему со всех концов Советского Союза и из-за рубежа. По их почтовым штампам, наверное, можно было бы составить карту любителей футбола во всем мире. В каждом письме слова благодарности за виртуозную игру. Очень часто болельщики просят прислать автограф, фотография.

После того, как Лев Яшин был награжден орденом Ленина, он получил много писем. Вратарь пролил через журнал «Смена» благодарности всех за дружеские пожелания. Конечно, на все письма он ответить не может. Поэтому единственный выход — это поместить в журнале фотографию с автографом. Пусть каждый, кто прислал письмо, считает, что автограф для него!..

А. САЛУЦКИЙ

всех своих подсадных уток с другого конца озера-то и выпустил. Они, дуры, знают куда палить — все к шалашу гонят. Начальник их восемь штук как одну переулавывал. А одна, самая старая подсадная, привыком к берегу прет, никак начальник в нее попасть не может. А она на берег вышла, отряхнулась — и в шалаш идет к нему, к начальнику. У того ружье в руках затежало. Сначала он растерялся, а потом понял, что к чему. А как понял, так сказала стрелку: «Пугайти ты дурак. Что я, так сказала, чтобы мои боялись? Ухуаа, а начальна две сотни притянул, чтобы старик купца новых подсадных. Ясно? Вот безжалостное положение: утки нет, а утку подай — и то люди выхолоди!

Строкач сказал:
— Хороший у тебя старикаш.
— Никита Павлович, — сказала Андрейка, — а вы кино про Свердловку помните?
— Нет.
— Я помню, — сказала Ситгин.
— Помните, Антон, там Свердлов стелки горюют?
— Помню. Рыдариские стихи, хорошие.
— И их помню с начала. Прочтешь?
— Я не дожидаясь ответа, Андрейка стал читать:

Через лес широкий,
Зеленый одетый,
Всадник быстро скачет,
Быстро несеется.

Строкач подмигнул к Андрейке, взял у него с колоды ломик и начал домигать порою. Андрейка продолжала читать стихи, но теперь уже громко, во весь голос, потому что Строкач был порою, что есть силы, намунившись и сжав зубы.

ПОНЕДЕЛЬНИК 11.47

Кричал страшным голосом Толяк Петухов. Порой слышно его вместе с порою слышно и слышно огулшало. Поэтому он продолжал кричать и после того, как его отключили и вытаскивали на 218-й квершлаг.

— Где люди? — спросил его Аверьянов. — Где остальные люди? Они в блоке?
Толяк ничего не отвечал, потому что его била дрожь. Он мотал головой, заикался и смотрел на всех огромными глазами, в которых затаился ужас.

— Где люди? — закричал Аверьянов. — Ты можешь ответить, где остальные?
Толяк поднял глаза вверх и пробормотал:
— Т-т-там!..
— Где там? В блоке? Или они тоже лежали в блоке, по колоду?
— Н-н-не знаю...

— Как не знаешь? Ты не можешь не знать! Сейчас решалось все. Если Петухов объяснит, где люди — остались ли они в блоке или спускались по колоду, — тогда в зависимости от его ответа можно будет безопасно и втроем быстро продолжать спасательные работы.
Петухов не может не знать, где остальные, сейчас он расскажет, где они, что там случилось, — и все станет ясным.

Аверьянов повторил:
— Ну, говори, от тебя все сейчас зависит! Толяк замолтал головой и сказал:
— Ч-ч-ч-точно, не з-з-знаю!..

В глазах у Толяка постепенно что-то теплело. Это было видно по зрачкам. Когда его отключили, зрачков в глазах вообще не было. Были пустые глаза, без зрачков. А теперь в глазах появились зрачки, и поэтому с ним теперь было не так страшно разговаривать.

Аверьянов закурил и, заставив себя улыбнуться, спросил:

— Ну, давай, объясни, дружище, как там все было и где люди?
Толяк повторил, по-прежнему заикаясь:
— Ч-ч-точно, не знаю...
— Он еще не отошел, — сказала Гордейчик, — все еще трясется. Я когда начала его отключать, так тоже весь трясся. Руки трясутся, молоток трясется — страхи! Потом скотился, порою тоже трясется. У меня аж в глазах помут-

нело. А пригадайся — это подшова его салого трясется.

Аверьянов нахмурился и снова спросил Толяка:

— Ну, давай, дружище, рассказывай. Без тебя мы зарынных работ вести не можем, понимаешь? Боймися. Людей боймися погубить. А идти приходило — мы их голодом заморим. Погибнут люди, бойми. Ну я прощу, возьми себя в руки.

— Ч-ч-точно, не знаю, — в третий раз ответил Толяк, но теперь уже не заикаясь. Он ответил, не глядя на людей, опустив голову.

— Отправьте его на медпункт, — сказала Аверьянов и, глядя вслед уходившему Толяку, ведауменно покачал плечами.
Ермоленко отключил совершенно случайно. Новиков решил для страховки пройти еще метров пять шпальней. Он надеялся найти пустоту в колоде, ведем в блок. Ему казалось, что все тридцатиметровый колодец не мог быть завален. То же самое казалось и Аверьянову. Поэтому, не сговариваясь, они пришли к одному решению.

И после первого часа работы опять тот же Гордейчик отключал Ермоленко. Он был весь изранен. Он не мог двигаться. Алицу у Ермоленко было разбито, и поэтому он с трудом разлепала губы, которые теперь стали толстыми и поафрикански вывороченными вперед.

— Они все в блоке, — кричал сказал Ермоленко, — взрывайте спокойно. Меня... Строкач следом... за Петухом... сукным сыном... пошла. Золото унести. Где... золото?

Аверьянов показал Ермоленко самодурку: их нашли сразу же, как толяк отключил самого Ермоленко. Увидев золото, Ермоленко успокоенно закрыл глаза. Но когда его положили на носилки и повесили в клетку, он заплакал и сказал:

— Если... увесете, подожку яра. С ребятами... вместе уйду. Иначе не вынесите... Такое у меня... к вам... завещание...

— Ты не болай! — рассердился Новиков. — Замади свое «завещание», как старей поугай! Новиков и Ермоленко были друзьями, и поэтому Новиков мог так грубо кричать. Так можно между друзьями. Иногда это помогает больше, чем ласка. Но сейчас не помогло. Ермоленко увидал, что его все же несут к клетке, чтобы подлить вверх. Тогда он перевалился набок и сбежал с носилок. Он упал на реалым, положенные вдоль по квершлагу, и сказал тихим, злым голосом:

— Без работ... не уйду. Пусть врач... спустится, если надо... ноги не... отымуся. А обделается со страху, подмоется, воды много... в руднике.

Аверьянов переглянулся с Новиковым и сказал:
— Пусть кто-нибудь сходит и приведет сюда врача. И давайте сразу же начнем взрыварботы.

ПОНЕДЕЛЬНИК 11.48

— Есть страсть как хочется, — сказала Андрейка.

— Тебе не поесть — одна полова, — улыбнулся Строкач.

А Ситгин добивал:

— Ходули легче будут двигаться. Знаешь, китюйди как говорят? Заиграй как слышь, обед раздели с другом, а ужин отдай врагу.

— Враг врагом, а в блоке у меня что-то слышно трясется, — вздохнула Андрейка.

— Ну вас к черту с вашей едой, — зевнула, Ситгин, — и поспать хочу хотя полчасика. Твоя очередь сейчас домигать, Андрей.

Когда Строкач оттолкнул в сторону Андрейка спросил:

— Антон, а тебе хочется есть?

— Совсем не хочется.

— Это из-за ночи. Всем больным не хочется есть.

— Не всем.

— Значит, тебе хочется есть?

— Да нет же! Я говорю: не всем больным. Есть такие, которым толяко подавай.

— Нет таких больных.

— Много ты знаешь! У меня дружок был, Лешка Басин такой. Он сейчас чертежник. Так он в ящике под вагоном из Омска в Омск ехал. Его там заперли, когда он спал. Без злобы, не знала никто, что там парнишка едет. Он там пять суток не ел и заболел. Как потом увидит еду, так скорей в рот тянется.

— Какой же он больший? — засмеялся Андрейка. — Просто голодающий.

— Ну да, голодающий. Он так три месяца болел. Его психотерапевт замечал. К нам психотерапевт один приезжал, он его и заговорил.

— Не может быть!

— Ну тебе к черту! Не веришь, так не расстраивай! Дай-ка мне лучше ломик. А то я как черт какой, сижу без дела. Так и свихнувшись немолого.

— Не дам я тебе ломика.

— Что?

— Не дам я ломика. Плохо тебе снова будет, — сказала Андрейка и слезнула с порою калаша воды.

— Дай мне ломик, — тихо повторила Ситгин, — я знаю, что для меня хорошо, а что плохо.

— Строкач зуртует, когда проснется.

— Не зуртует.

— Зуртует.

— Не спорь!

Вдруг где-то под ногами гулко ухнуло и сверху посыпалась порою.



даьше он бия по кабелю, тем больше понимал, что это все бессмысленно. Надо было найти границу пожара и не пустить — если это еще возможно — пожар к самым штабам, где работали проводники.

Аверьянов побежал вдоль дымившегося кабеля. Он бежал и все время боялся пропустить рубеж между кабелем сгоревшим и еще не тронутым пожаром. Он боялся этого, потому что если бы там, куда смог бы зайти, и впустил, то это было бы в гору, где он со своим одним и где надо было рваться по горящему, пызучающему кабелю? Но Аверьянов все же не пропустил рубежа пожара. Он заметил то место на кабеле, которое было синевато-красным. Это синевато-красное кольцо подало вперед, оставив за собой черную потрескавшуюся резину, которая пызуралась и отчаянно дымилась.

Аверьянов зло засмеялся и бросился с кулаками на прокатное, все время убегающее синевато-красное кольцо. Он стал плевть на него, но потом понял, что все это ерунда и так пожар не остановишь. Тогда он опустился на корточки, собрал акикую теплую грязь и начал вилать по-быстро тереть ею синевато-красное кольцо, походя по кабелю. От этого еще сильнее запыхало Аверьянова. И еще запыхало пережаренными котлетами. Но Аверьянов не чувствовал сейчас никаких запыхов. Он беспрестанно опускаясь на корточки, собирал акикую грязь и тер ею синевато-красное кольцо. Он тер до тех пор, пока бы этого кольца не оставалось. Тогда Аверьянов сжал пальцы, державшие кабелем, в кулак и пошел назад, в ту сторону, откуда только что прибежал. Он шел, не разжигая кулака, сиречь пызучающую, сороконошную, прогоревшую резину с кабелем. Он шел, чувствуя порой как-то рынки в ладони. Но эти рынки не отдавались болю, как раньше, в самом начале. Наоборот, каждый такой рынок отдавался радостью от сознания того, что он сжег еще один кабелем. Он шел в этом месте перед Строчаком, Сытнина и этим их называли — Сашей, или Колей, или черт его знает кем. Невняно, как зовут человека, для которого делавш хорошее дело. Это совсем невняно. Самое важное — это сделать хорошее дело.

Аверьянов думал о том, что, может быть, еще не все кончено для Строчака. И вдруг акая боль пронизала все его существо. Он разжал пальцы, посмотрел на ладонь и зажемурил.

«До кости», — подумал Аверьянов, — прожог до кости».

Он взялся за кабель другой рукой, чтобы продолжать срыпать эту черно-серую, прогоревшую, шипущую и дымящую резину. Он сообразил идти дальше, но увидел, как на него из дыма, словно привидения, поднялись люди. Дым становился все гуще, и в этих клубках дыма он начал пугаться, люди и сбивали прогоревшую резину с кабелем маленькими стальными камнями. Первым из дыма поднялся Никитков. Никитков столкался с Аверьяновым, обернулся к нему, увидел его руку, увидел голые медные провода уже без пызучающей прогоревшей резины, и лицо начальника торжественней вдруг все сморщилось. Он вытаращил изо рта шланг самоспасателя и крикнул:

— Пусть качают компрессор максимум воздуха! Очаг пожара остановили у трансформатора!

Потом он обнял Аверьянова, поцеловал главного инженера в щеку и, снова схватив шланг зубами, сделал своим людям какой-то знак рукой.

И люди остановились, а потом пошел обратно, к чему же можно было свистеть с компрессорами и попросить больше воздуха, чтобы унесло смертоносный дым...

ПОНЕДЕЛЬНИК 16. 03

Строчак отдал задним самоспасателю Сытнину, потому что Антона из-за пожара стало еще хуже. Андрейка сидел, зажав ладони пальцами, и неотрывно смотрел на маленького сына

карбидки. Строчак отбивал носком шапги ритм. Три удара — время дышать из шланга самоспасателя самому, четыре удара — Андрейке, чтобы дышал за него Сытнин.

Нужно сначала тихонько выдохнуть, чтобы до конца освободить легкие, потом так же тихонько вдохнуть, потом silently выдохнуть, и то есть silent вдохнуть в себя воздух, не отравленный дымом. А потом опять выдохнуть, переждать шланг самоспасателя Антону. Больше всего Строчак боялся, как бы Сытнин не потерял сознание. Если он потеряет сознание, тогда он глотнет воздух отом — и все. Поэтому он держал шланг во рту у Сытнина на пол-удара больше, чем во рту у Андрейки. Андрейка в это время старался не смотреть на Строчака и на его руку, державшую шланг со спастельным воздухом. Андрейка смотрел на пламя карбидки, чтобы не видеть и того, как бесцельно бьются голые Антона и как испуганно вымывает у него изо рта шланг Строчак, чтобы передать ему самому, Андрейке.

«Самоспасатель на сорок минут», — думал Строчак, отсчитывая только время, — если через двадцать минут не остановит пожар, тогда, значит, выдохнул.

Он потонул шланг на себя, и Андрейка сразу же разжал зуб. Строчак был на последнем пределе: он успел схватить шланг отом и вдохнуть всей грудью так сильно, что у него снова зазвенело в ушах, как в первую минуту после задержки.

«Спокойно! — скормандова ему самому себе Строчак. — Не надо дышать слишком много! А то не успокоится сердце!»

Он постарался во второй раз вдохнуть поменьше, но не смог. Он хотел, он заставляла себя, он понимал, что немалая штука — снова дышать, он понимал, что это напрочь собить дыхание, но помимо воли вдохнул очень сильно и, вытаращив шланг изо рта, поднес его к губам Сытнина. Тот посмотрел на Строчака с полуприкрытыми глазами и испросящим взыв шлангом. При этом он покачал головой, все так же спокойно глядя на Строчака.

Строчаку захотелось заорать на Сытнина, потому что он понял, отчего Антон покачал головой. Но он не мог орать сейчас. Он просто поднес к мунду Сытнина кулак. Сытнин усмехнулся и закрил пламя. Он дышал спокойно.

«Ему бы лететь на Лулу», — вдруг подумал Строчак, — он умеет быть спокойным. Неужели все-таки конец? Глупо как все! Неужели конец всегда бывает таким глупым? Сейчас я не много выдохнул, немного, сытнин не покачал голову Антон. Хотя нет, он дышит спокойнее меня, потому что я даю ему больше воздуха. Ведь он совсем болен. Как же иначе? Андрейка молодец! Хорошо держится. Так, теперь я еще немного выдохну. И передым шланг Андрейке. Молодец какой парень! Неужели я и отпугиваю? В воскресенье лгет... Теперь я выдохну еще немного. Черн, рано выдохнуть! Подальше подыраю, а жалеть еще долго. Черт, что ты делаю дыши Андрейка! Стоп! Спокойно! Не смей так умолять! Нет!»

Строчак заметил, что он слишком быстро два раза подряд стукнул ногой, отсчитывая время. Он стукнул два раза вместо одного, потому что задышался и хотел поторопиться время, но он увидел, как Андрейка покосился на его ногу, которая хотела убраться в сторону. Строчак заметил это и сделал рукой жест жест, который означал: «Извини, сбился! Считаю снова!»

И он снова начал отсчитывать удары носком шапги. Спокойно, медленно, даже слишком медленно, медленнее, чем надо было. «Я сейчас не выдержу», — как бы издал думал Строчак, напрягая всю свою волю, чтобы размеренно отсчитывать ногой время и не вырвать шланг изо рта Андрейке, — я сейчас не выдержу и вдохну дыме. И все. Сразу же. Нет. Неужли. Это значит быть дееспособным. А все же я сейчас вдохну дыме. Или стану подонком и начну быстрее считать время. Будь оно проклято, это время!»

Строчак отбил ногой последний, четвертый счет и весь так и кинулся к спастельному шлангу. Он вдохнул, выдохнул, снова вдохнул, снова выдохнул и только тогда смог перевести дух. Он хотел снова вдохнуть, но увидел, как у Сытнина закрываются глаза. И еще он увидел, как изо рта черной летит дым. Такого раньше не было. Раньше шло немного дыма снизу,

из-под ног, а теперь он выла, как из злой печи.

«Вот куда все!» — мелкокнуло в голове у Строчака.

Он толкнул Антона в грудь. Тот глаз не открывал. Тогда Строчак отгнул ему нижнюю губу и втокнул в рот шланг. Сытнин задорно, вдохнул несколько раз, с трудом на секунду приостановившись, посмотрел на Строчака и Андрейку, и в глазах у него показались слезы. Он кинул головой на Андрейку, который продолжал неотрывно смотреть на пламя карбидки. Строчак вытаращил шланг изо рта у Сытнина и протянул его Андрейке. Андрейка припал к шлангу как младенца к груди матери.

«Сейчас я заткну карбидку», — спокойно решил Строчак, — и отпрыгну в сторону. Андрейка меня не найдет, а шланг будет у него во рту. Ему осталось еще дышать минут двадцать. Кошмар, маленький мой Золотой! «Вань» говорит вместо «баран», Лиси и Маринчук! Они очень похожи. Но я не могу иначе. Андрейка тоже маленький, он как сы мне. А Сытнин?»

Строчак посмотрел на Сытнина. Тот словно ждал этого взгляда и сразу же закрывал голову. Он все понимал и чувствовал все так же, как и Строчак. Строчак кинулся ему головой и сразу же отпихнул рукой карбидку, зажатую в руке у Андрейки. Стало темно. Строчак отпрыгнул в сторону и упал на живот. Он скатился пальцами порою и подумал: «Только бы не закричать! Лиси! Как я люблю ее! Я люблю тебя! Я люблю! Я...»

Строчак увидел в глазах красные крути, и небо, и еще Кошмар, Лиси и Маринчук на руках. Он захлебнулся, вдохнул воздух и почувствовал, что дыма больше не было. Сытнин тонул сильная струя свежего воздуха. Дыма совсем не было, его унесло вверх, а через порою снизу несло свойкой холодной водой. Сдакнул, как вода. И чистый, как вода.

— Андрейка, — позвал Строчак, — Антон... И услышал их голоса, заплакал.

Сытнин тоже заплакал, потому что он, как и Андрейка и Строчак, услышал где-то совсем неподалеку, под ногами, человеческие голоса и прохот отбойных молотков...

ПОДЕЛКА 8.45

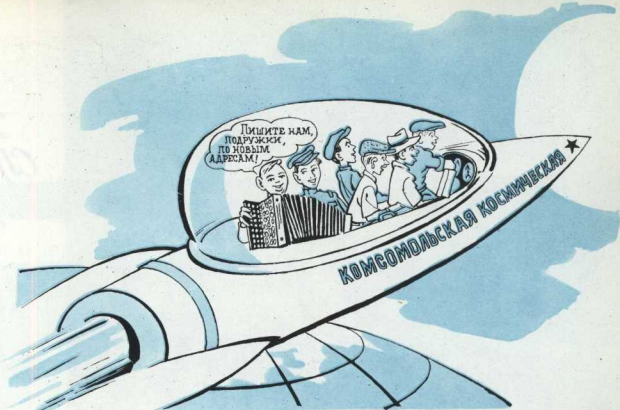
Когда Строчака, Сытнина и Андрейку откопал, Аверьянов после счастия поднялся к себе в кабинет. В приемной его ждали корреспонденты. Их было много в приемной, и от этого здесь стояла сплошная шум. Они сказали, увидев Аверьянова:

— Записывайте материал о подвиге ваших людей!

— Давайте, скаже Аверьянов, — я записываю.

Он вошел к себе в кабинет, запер дверь, подошел к столу и левой незабывавой рукой вывалил из кармана золота, которое ему передал Ермоленко. На столе, приделанная пресс-папье, лежала записка. Больными печатными буквами было написано: «Спасибо тебе, родной, и твоим людям. Старик. Фавинский». Аверьянов вдохнул и измученно улыбнулся. Потом он лег на холодный клеенчатый диван, положил себе под голову бумаги, которые ему только что вручили корреспонденты, и уснул.





Из недалекого будущего.
На освоение новых просторов.

К о с м и ч е с к и е м о т и в ы



— Вот это действительно летучие мыши!



— Теперь каждая собака на нас может смотреть свысока.



Песенка строителей

Слова Бориса Брянского.

Музыка Алексея Кузнецова.

Сияет солнце яркое
В широких небесах.
Кипит работа жаркая,
Когда мы на лесах.

Припев: Эй! Чтобы люди видели,
Чтобы знали там и тут, —
Московские строители
Не подведут.

Народ дает задания,
Мы строим все вокруг.
Мосты, дороги, здания —
Все дело наших рук.

Припев.

Растет жилье удобное
Быстрей из года в год.
И слава наша добрая,
Как новый дом, растет.

Припев.

Работники умелые,
Мы в дело влюблены,
И стройки наши смелые
По всей Москве видны.

Припев: Эй! Чтобы люди видели,
Чтоб знали там и тут, —
Московские строители
Не подведут.

Соловьев, Гаврилин